Дети капитана Гранина

Владимир Рудный

SHOUT
SHARE IT

- Рудный Владимир
  -

Рудный Владимир
Дети капитана Гранина

Владимир Рудный
Дети капитана Гранина
Маленькая повесть

В тяжкий 1941 год, когда битва с фашистами шла уже под Москвой и Ленинград был зажат кольцом блокады, далеко на Балтике твердо стоял на Гангуте героический гарнизон. Матросы, воины и романтики, нашли где-то большой ключ от крепостных ворот и повесили его на сосне над скалой, возле боевого поста. Так и было: ключ от входа в Финский залив был в руках гангутцев и они не пропустили фашистскую эскадру к Ленинграду.

Эта маленькая повесть "Дети капитана Гранина" написана автором на основе его романа "Гангутцы", посвященного славной балтийской эпопее.

Стаи птиц в поисках гнездовья кружили над куполом кронштадтского собора. Звонко лопался в гавани апрельский лед. Ночью ветер нес с моря грохот рушились, сталкиваясь, торосы. Ветер гнал лед в гавань, там маячили черные ледокольные буксиры. Они пробивали во льдах весенние тропы, радужно сверкающие мазутом. За тропами с кораблей и причалов следили сотни глаз. Весна. В море, в дальнее плавание!

У причалов грузились первые транспорты, уходящие в устье Финского залива к полуострову Ханко, известному со времен Петра как Гангут. Скрытые брезентом стояли на палубах посыльные катера. Краны переносили с берега мощные дальнобойные орудия.

На Большой кронштадтский рейд вышел широкогрудый "Ермак". Ему вести сквозь льды караван. Транспорты строились за ледоколом строгой кильватерной колонной - каравану угрожали мины.

Замыкающим шел буксир "КП-12", что значило: "Кронштадтский порт N 12". Буксир нещадно дымил, на транспортах зло шутили: "Эй вы, мореходы, за дым получаете - с тонны или с кубометра?"

Команда буксира была вольнонаемной. Помимо капитана, боцмана, рулевых, кочегаров, в нее недавно попал и юнга.

В середине марта сорокового года рулевой буксира Василий Иванович Шустров возвращался по льду залива на розвальнях из Ораниенбаума в Кронштадт. В пути подсел паренек, рослый, лет шестнадцати, в коричневом тулупчике и черной ушанке,

нахлобученной по самую переносицу.

- Намаялся, пешеход, - пробурчал в обледеневшие усы Шустров и потеснился. Он отметил туго набитый заплечный мешок паренька и подумал: "К отцу небось с гостинцами".

Своих детей у Шустрова не было.

У контрольно-пропускного пункта, куда в навигацию приходили рейсовые катера, ждали грузовики, сани, пассажиры соскакивали на лед и шли к берегу, доставая кто паспорт с кронштадтской пропиской, кто воинский документ, кто пропуск в пограничную зону.

Паренек оказался впереди Шустрова, он предъявил единственный документ табель ученика восьмого класса ленинградской школы Алексея Горденко. В табеле лежали старенькая фотография моряка, лента от бескозырки с надписью "Сильный" и клок газеты с заметкой, обведенной красным карандашом.

Пограничник повертел необычные документы, прочел вслух заголовок заметки:

- "Подвиг Константина Горденко - мичмана с эсминца "Сильный", - и спросил насмешливо: - И куда же вы следуете?

- В кронштадтский экипаж. На действующий флот.

- На действующий? Чудак человек. Война же кончилась.

- Как кончилась? - Алеша настолько огорчился, что все вокруг рассмеялись.

- Так и кончилась. Сегодня в двенадцать ноль-ноль. А ты - школу бросил и на войну опоздал. Как тебя мать отпустила?

- Мать на Украине, у деда. Я у тетки живу.

- Вот и вернем к тетке. К отцу, что ли, идешь?

- Нет у меня отца. В десанте погиб.

- Пройди туда, - показал пограничник. - Освобожусь, займемся.

Алеша побрел в караулку, а Шустров, показав удостоверение, медленно зашагал к воротам порта.

Что-то сдерживало старого матроса, что-то тревожило. Помнил он тот десант. Помнил штормовую ночь в декабре, когда пограничные катера и его "КП-12" доставляли матросов "Сильного" в тыл врага, помнил стынувшее море, удары ледяного сала в корпус, наледь на палубе - на руле раньше других чувствуешь, как грузнет, становится непослушным судно, сколь опасно это для людей, идущих под огонь. Не он ли высаживал отца мальчугана?

Шустров вернулся на КПП и вскоре повел Алешу к воротам порта.

Шутка ли, такая быстрая перемена в судьбе. Полушубок

скрывал, какие у Шустрова на кителе нашивки. Но Алеша не сомневался, что перед ним военный моряк, притом командир, не зря же с ним так посчитался пограничник: то грозил вернуть Алешу к тетке, то сразу отпустил с Шустровым на корабль. На какой только корабль? На эсминец или сторожевик? Алеша отлично различал классы и типы кораблей и меньше чем об эсминце не помышлял. Шустров отмалчивался, как и должно военному человеку. Алеша допытывался и так и этак. Когда он спросил, какое имя носит корабль, которым командует Шустров, тот не стерпел.

- "КП-12",-ответил он таинственно.

- Шифр! - понимающе произнес Алеша. - А класс какой?

- Дотошный же ты парень! - рассмеялся Шустров. - Класс - самый что ни на есть пролетарский.

Шустров понимал, какой удар ждет парня, когда они придут на его пролетарский буксир. Он и сам не радовался, когда после двадцати лет военной службы нанялся рулевым на это расплющенное судно с буксирными дугами над кормой. Мало радости то и дело видеть, как старательно от тебя защищают кранцами чистенький борт и с какой опаской подпускают под корму линкора, когда надо его развернуть; тащи его, выводи из тесной гавани на рейд, а вывел уматывай с фарватера к своей стоянке плавучих средств. И словцо же пустили "плавсредства", взвоет парень, когда услышит.

Алеша, конечно, расстроился, когда Шустров привел его к буксиру. Вид неказистого, вмерзшего в лед судна ошарашил его:

- Так это же шаланда!..

- Могут и на шаланду не взять, - буркнул Шустров у сходни.

Капитаном оказался ленивый на вид дядька, толстый, неповоротливый, таким выглядел и буксир. Он равнодушно глянул на юнца, спросил, почему без паспорта, раз стукнуло шестнадцать, паспорт надо оформить, а на буксир взять можно. Только жалованья не будет; юнга по штату не положен. Захочет команда кормить и обучать его - пусть живет. Раз отца нет и мать уехала, пусть остается.

Шустров поговорил с командой, и Алешу взяли на общий кошт. Рулевой Шустров так и остался для него главным на "КП-12".

Месяц этот до весны Алеша даром хлеба не ел. Окапывал лед, скреб корпус, красил, скоблил палубу добела, медяшки драил, поспевал и в машину, и в рубку к штурвалу, отполированному за годы руками рулевых так, словно колесо покрыли лаком, - дел хватало от подъема до отбоя. А засыпая, мучился: оставят ли в команде, когда растает лед? Если бы буксир оставили в

Кронштадте - таскать баржи с мазутом, подавать на форты харч и боезапас, помогать маневру кораблей, - могли б и оставить. А сейчас команда сама сомневалась, кого возьмут, кого спишут. Команда уже знала: буксир назначен в штат плавсредств новой военно-морской базы. Заграничная база, двести сорок миль западнее Кронштадта, опора минно-артиллерийской защиты входа в Финский залив. Могут и не взять. Но Алеше повезло: в плавание шла вся команда.

И вот буксир, загруженный бочками, ящиками, всем, что не попало на другие суда, шел концевым. Пассажиры на нем собрались кто откуда: догоняющие часть артиллеристы, матросы, только что назначенные из экипажа, бойцы железнодорожного батальона, срочно посланные на Гангут.

Караван шел малым ходом, но буксир едва за ним поспевал. Льды, сходясь позади ледокола, мешали даже большим судам. "Ермак" возвращался и могучим стальным корпусом разбивал затор. Обломки льдин царапали борта. Транспортам они не помеха, но буксиру страшны. Шустров маневрировал, избегая ударов.

Солдат с непривычки укачивало. По одному они вылезали наверх, на ветерок, тоскливо склоняли голову за борт.

- Что, хлопцы, приуныли? - Из кормового кубрика вынырнул бойкий матросик, тоже пассажир; для него, похоже, палуба была наилучшим местом на свете. - Не нравится корабель? Зря! Знаменитый корсар - гроза Балтики!..

Он стоял перед солдатами твердо, широко ставя короткие ноги, даже не шелохнулся, когда буксир зарылся в волну и лег на борт.

- Качает, - кисло произнес солдатик, морща белесые, едва заметные на бледном лице брови. - Баллов на шесть задает...

- Баллов на шесть?! Да на море полный штиль. Понимаешь?

- Понимаю, - кивнул белесый. - Я укачался, а травишь ты.

- Не теряешься, - миролюбиво одобрил матрос. - Давай знакомиться. Тебя как звать?

- Камолов Василий. Сын собственных родителей. А тебя?

- Богданов Александр. Меньшой.

- А есть еще большой? - рассмеялся белесый солдатик.

- А как же! Неужто все Богдановы малого водоизмещения...

Смех, что огонек в лесу, - в корму потянулись пассажиры,

- Иди, Алеша, к хлопцам, повеселись, - сказал Шустров юнге, не отходившему от него ни на шаг.

Алеша мигом очутился возле матросика малого водоизмещения, все уже звали его попросту Богданычем.

Богданыч шутил, смешил непривычных к морю вояк, а

белесый солдатик настолько ожил, что затянул даже песню. Пели разное - и про "Катюшу", и "Ревела буря", и, конечно, про кочегара - слова Алеше знакомые, но одно дело слушать дома: "Увидел на миг ослепительный свет, упал, сердце больше не билось", а другое - в море, среди синих льдин и свинцово-тяжелых волн, где, возможно, покоится и мичман Горденко...

- Дробь! - прервал певцов Богданыч, словно угадав печаль юнги. - В лыжном отряде мы по-другому пели, - и затянул сиплым, простуженным тенорком: "Раскинулись ели широко, в снегу, как в халатах, стоят"...

- Отставить! - прервал белесый солдат безголосого запевалу. - Это пародия, а не песня.

- Не пародия, а песня отряда Гранина. - Богданыч привлек Алешу к себе. Ну что, юнга, слыхал про Гранина?

- Слыхал. Капитан с черной бородой.

- У-у-у, страшная бородища... - смешно показал Богданыч. - Длинная. Как у Черномора.

- И я про Гранина слыхал, - сказал белесый солдат. - Знаю, как набирал он в отряд таких, как ты, отчаянных.

- Как? - Богданыч опешил.

- А вот как. Вызвал его командующий и говорит: "С любого корабля выбирайте любого матроса, только чтобы отряд не посрамил чести Балтфлота". Пошел Гранин по кораблям. Походит, посмотрит- ему подают список личного состава: этот, говорят, лучший механик, этот - лучший сигнальщик, предлагают одних отличников. А Гранин нет: "Зачем забирать у вас отличников. Дайте, кого надо на исправление. Кто отбывает на гауптвахте?.. Этот в чем провинился? Лодырь? Отставить. А этот? С патрулем поспорил? А в службе как? Хорош? Давайте его сюда". И как начнет мылить, как начнет: "Дисциплину не соблюдаешь! Искупить хочешь? У меня патрулей нет: закон нарушил - трибунал. В бою струсил расстреляю. Понял? Иди, досиживай. А потом на фронт"...

- Глупости все это! - Богданыч в упор злющими глазами смотрел на белесого. - Гранин разгильдяев терпеть не может. И раскисляев, между прочим, подковырнул он белесого.

Все рассмеялись, но солдатик не сдавался:

- Ты, не спорю, про Гранина знаешь все. А где он сейчас?

- Ясно где: в береговой артиллерии. Он на фортах все прошел - от погребного до командира дивизиона. А лыжный отряд создал временно. Пока с белофиннами воевали. Понял, солдат?

- Понял, что ты проворонил: Гранин с нами идет. На "Волголесе", сразу за "Ермаком".

- Откуда знаешь? - всполошился Богданыч.

- Железнодорожники все знают. Кто пушки доставляет? Мы. Наши и грузили гранинские пушки...

Гранин действительно шел в голове каравана - с пушками, со всем дивизионом. На правом крыле мостика "Волголеса" он стоял рядом с начальником своего штаба Пивоваровым, верным спутником и по лыжным походам. Оба молодые, гладко выбритые, настроенные торжественно, даже празднично. Гранин, плотный, приземистый, весь заковался в кожу. Новая скрипучая кожанка с золотыми нашивками на рукавах - "две с половиной средних", кожаные брюки, болотные сапоги, все как у первопроходца и все не по форме. Только морская фуражка с золотой эмблемой такая же, как у строгого начштаба, но и ее Гранин сдвинул на затылок. Оба разглядывали в бинокль места, исхоженные на лыжах в пургу и мороз, а сейчас, среди взбулгаченных волн, если и узнаваемые, то только по маякам и сопкам взятых штурмом островов.

На "КП-12" не видели, конечно, ни "Волголес", ни его прославленных пассажиров. Льдины встречались реже, и караван шел ровно, понемногу отрываясь от концевого судна.

Шустрова это не тревожило. Он помнил эти широты с юности, с того года, когда революционный Балтфлот по приказу Ленина вырвался из ловушки, устроенной белыми в Гельсингфорсе. Шустрое знал и подходы к Эстонии, и фарватеры в финских шхерах. Добродушный толстый капитан предлагал его сменить, Шустров отмахивался: скоро сворачивать в шхеры, а там, в опасном для плавания районе, только ему и вести судно.

Алеша днями торчал возле Шустрова. Заглядывал и в лоцию, и в карту на цифирки глубин, на кружочки магнитных склонений, на цветные стрелы проложенных курсов, спрашивал про каждую полоску на горизонте, островок, маяк, плавучие огни и створные знаки, все надеясь, что Шустров сам скажет, куда же высаживали декабрьские десанты. Но те острова давно за кормой.

Караван дни и ночи шел на вест. Последнюю ночь Шустров разрешил юнге остаться в рубке. Алеша боялся прозевать выход к берегам Финляндии. Он заснул тут же, у ног Шустрова, тот прикрыл юнгу своим тулупом.

К Ханко подошли по чистой воде, но в густом тумане.

- Вставай, юнга, - Шустров разбудил Алешу, - Гангут!

Алеша вскочил. Солнце разогнало туман и поднялось высоко. Справа был близок скалистый берег, зеленый, весенний, изрезанный бухтами, заливчиками. Скал много, даже среди залива торчали горбатые валуны. Над скалами - мачтовые сосны, в расщелинах скрючились цепкие карликовые деревца.

Стая уток носилась над водой - заповедное царство птиц.

Вдали, на каменистой горе, над черепичными крышами, торчал острый шпиль кирхи и рядом - красная башня.

- Это маяк, Василий Иванович?

- Водокачка в городе. Маяк левее. В порту. А шпиль - их церковь. - Шустров помнил по лоции все ориентиры.

- Там и город есть? - Алеша считал, что Гангут необитаем.

- Город Ганге. И мыс Ганге-Удд. Потому Петр и назвал его Гангутом. Тут Финляндия кончается. Швеция напротив.

Буксир миновал узкости в шхерах, и впереди открылась гавань, ее изогнутый мол. На песчаном пляже голубели, как ульи, кабинки для купальщиков. У воды пляж опутала колючая проволока - это от недавней войны.

Караван остался на рейде, а буксир вошел в порт. Вышло, что его встречает весь малочисленный гарнизон, даже с оркестром из трех баянов саперной роты рота очищала порт, городок и железную дорогу от мин. Под музыку разгрузились, высадили пассажиров, и буксир занялся обычной работой. Он маячил между гаванью и рейдом, перевозя людей и помогая неповоротливым транспортам подойти к причалам. Алеша вглядывался в каждого пассажира с "Волголеса", но бородатого капитана не нашел, словно его выдумал тот белесый солдатик. Транспорты разгружались ночью - без музыки, при свете своих прожекторов. Алеша понял: разгружают секретно, чтобы не видели пушек в оптику с чужих островов или с материка.

"Майна!", "Вира!" - звучало во тьме.

Корабельные краны опускали на причал огромные пушки, это для защиты с моря, против чужих кораблей. Так начиналась будущая крепость в сотнях миль от родины. Ее сразу тут прозвали: Гибралтар Балтики! Алеша почувствовал себя участником важного дела. Он тоже покрикивал у трапов, как заправский матрос: "Помалу, помалу... шевелись!"

И вот всё разгрузили. Буксир вытянул судно за судном на рейд. Караван ушел на восток. Порт стал таким пустынным, что "КП-12" выглядел внушительно даже рядом с тральцами.

Тральщики работали круглые сутки. Подсекали тралами мины, подрывали их. Вдоль побережья всплывала оглушенная рыба. Алеша скидывал сапоги, морскую робу, справленную ему Шустровым, и бросался ведром выгребать салаку и окуней для камбуза.

Тральщики очистили воды Гангута от мин. Пришли крупные корабли, даже эсминцы, только "Сильного" среди них не было. В бухтах восточного берега устраивались подводные лодки и торпедные катера. Привезли для штаба катер "Ямб" с такой начищенной медной трубой, что Шустров поддразнивал Алешу:

"Пошлю тебя, юнга, драить этот самовар". А из Таллинна своим ходом добрался морской водовоз с удивительным названием: "Водолей". Он ходил из бухты в бухту с запасом пресной воды.

"КП-12", переименованный в "ПХ-1" - "Порт Ханко No 1 ", доставлял на острова по фарватерам, даже лоцману не известным, пушки, мясо, хлеб, почту, цемент, пограничные столбы, всякую кладь. Стоило ему подойти к островку или к узкому перешейку, где проходила граница базы с Финляндией, матросы или солдаты кричали: "Наш кормилец идет!" Так и прозвали буксир "Кормильцем".

Команда "Кормильца" основала портовый флот. Нашла и сняла с мели брошенные финнами суда. Поставила их на ровный киль, подлатала, покрасила. Назначила матросов - когда пришлют людей с Большой земли! Даже капитанов выдвинула добродушный толстяк перешел на более солидный "ПХ-2", а Шустров стал капитаном "ПХ-1".

Шустров вводил у себя строгий порядок. Он выкинул за борт ситцевые занавески, пристроенные в капитанской каюте женой толстяка еще в Кронштадте, и заменил их приличными зелеными шторками. Вытравляя "ситцевый дух", он внушал Алеше, что всякая служба в военной базе - боевая служба, а военного флага судно не имеет по недоразумению.

"Кормилец" и верно нес службу боевую, даже секретную: всех пограничников и наблюдателей высаживал на посты в шхерах только ночью. Ох, как тянуло Алешу уйти за ними на островок! Но стоило ему замешкаться, Шустров сердился:

- Море не любит зевак, юнга. Революционный моряк знает порядок. Позор отстать от своего корабля!

Любил Шустров словечки времен своей революционной юности. И Алеша любил читать и слушать все про "Аврору", революционную Балтику и ее матросов. Потому, наверно, ему так нравился Василий Иванович.

Шустров учил Алешу стоять на руле, грести, плавать и, уж конечно, знать назубок флажный семафор. А когда буксир подходил к незнакомому острову, Алеша прыгал за борт, на скользкие камни, бежал, черпая сапогами воду, к берегу, ловил бросательный конец и помогал "Кормильцу" ошвартоваться. Месяцы такой жизни превратили его в ловкого и сильного юношу, знающего, что такое штормовая вахта, ночь без сна или внезапный выход в море. Плечи расправились, раздались - впору грузчику такие плечи. Каштановые вихры вызолотило солнце. Руки стали мускулистые, ссадины и мозоли, заработанные на веслах, зарубцевались. Заправский матрос, не зря Шустров сулил ему к семнадцати годам штатную должность.

Сулить посулил, а все боялся: уйдет с буксира Алеша. Стоило случайному командиру заговорить с юнгой, Шустров как конь на дыбки - отнимают названого сына!..

Летом Шустрову приказали доставить ночью легкую батарею из дивизиона Гранина на дикий островок против Утиного мыса - так назвали южное острие Гангута, где под гранитным утесом вечно сшибались волны двух заливов, Финского и Ботнического. Мористее на крутой скале стоял чужой маяк, глазастый, со стереотрубами, радиостанцией и слухачами. Пушки надо за ночь выгрузить, поставить "в секрет" и замаскировать.

С погашенными огнями, лавируя среди рифов, буксир малым ходом прошел к островку с тыла. А с фронта выскочили два пограничных "МО" - малые охотники. Да так взревели авиационными моторами - звуковая завеса, хоть из пушек пали!

С тыла вплотную к островку не подойдешь - камни. Нужен пушкам плот. Но где его взять, разве что домик, покинутый рыбаками, разобрать?.. Алеша мигом сообразил раздеться, проплыть оставшиеся метры и передать артиллеристам, чтоб ладили плот.

Пока домик разбирали, вязали плот и переправляли пушки, Алеша успел узнать, что островок полон змей, жизнь на нем робинзонова, а капитан Гранин напротив, на Утином мысу.

Там Алеша недавно побывал, но дальше дощечки с надписью "Не ходить! Стреляю без предупреждения!" не проник. Думал, чудеса в лесу - нажмешь кнопку, из-под земли пушки выскочат. А дощечку, оказывается, Гранин повесил, пугая пришлых охотников, чтоб не портили ему утиной охоты.

Словом, подружился Алеша с островитянами. Их лейтенант сказал ему на прощание:

- Давай, юнга, к нам, мы тут с тобой и змей разгоним, и комендором станешь!

- Он моряцкий сын, - отрезал Шустров. - На море ему и жить. Я его на рулевого выучу.

Но разве удержишь юнгу, если он после каждого схода на берег с захлебом рассказывает то про белесого солдатика, встреченного на вокзале, то про Богданыча - признал матрос юнгу, рассказал, как диверсанта на пляже поймали: голышом вылез и пробирался к тайнику с одеждой... А уж после ночи у дикого островка, когда пограничные "МО" пошумели и умчались в бухты Густавсверна, где скалы скрывают их от всех ветров и посторонних глаз, житья Шустрову не стало: когда же буксир пойдет туда?..

Не знал Алеша, что и Шустров ищет случая побывать на Густавсверне. Расспрашивая других, Шустров убедился, что отца

Алеши высаживал не буксир, а катер "МО". Только какой из катеров? Когда высадке помешал плотный огонь и возникла заминка, мичман прыгнул в ледяное сало, подставил свою спину под трап, чтобы товарищи сошли на берег сухими, а сам упал, погиб от пули. Такой случай наверняка занесен в вахтенный журнал катера, и Шустров надеялся найти катер, попав на Густавсверн.

Вскоре к Утиному мысу забрел чужой буксир с двумя баржами и будто случайно застопорил ход на траверзе дикого островка с секретной батареей. Расчет верный: с островка должны были бы обстрелять или окликнуть. А островок молчал, предупредительный огонь открыли с Утиного. Чужой буксир бросил баржи и сбежал. Шустрову приказали оттащить эти баржи для досмотра к Густавсверну. Так Алеша попал в бухту Пограничную.

Пока пограничники досматривали задержанный груз, Шустров сошел на берег и пропал. Алеше тоже разрешили пройтись по деревянным мосткам, где стояли красавцы "МО", окрашенные шаровой краской. На носу каждого белели огромные цифры.

Его окликнул Шустров с борта "Двести тридцать девятого".

И вот Алеша - на палубе катера перед высоким чернобровым богатырем, пожалуй, покрепче отца, хотя отец мог одной рукой схватить Алешу и, как в цирке выжимают гирю, поднять его над головой. Богатырь этот с такой теплотой смотрел на юнгу глубокими карими глазами, что голова у Алеши закружилась; он что-то почуял, ему вдруг показалось, что лейтенант чем-то похож на его батю, хоть он и совсем не походил на мичмана Горденко ни ростом, ни лицом, но басистый голос, украинский говорок точно как у отца.

Лейтенант Терещенко Александр Иванович, командир катера "МО", подозвал матросов и сказал:

- Вот сын мичмана Горденко. Проводите его в кают-компанию.

В кают-компании Алешу усадили на узкий кожаный диван. Принесли "Исторический журнал". На одной из его страниц была короткая запись о десанте и о подвиге мичмана Горденко.

Его водили из кубрика в кубрик. Рулевой подарил тельняшку. Командир настоящий "гюйс", матросский воротник. А сигнальщик, который всю ночь десанта простоял рядом с отцом, провел Алешу с разрешения Терещенко на мостик, показал компасы, машинный телеграф и свое пестрое флажное хозяйство.

- Взять бы его к нам? - предложил командиру сигнальщик.

- Не так-то это просто, товарищ Саломатин. Надо разрешение

командования. Тебе сколько, Алеша?

- Семнадцать, - Алеша прибавил несколько месяцев.

- А сколько классов окончил?

- Восемь. Без одной четверти. Я на матроса учусь. - Алеша оглянулся: ушел Шустров.-Капитан обещал зачислить осенью рулевым.

- "Рулевым"! Паршин, сколько вы окончили классов?

- Десять, товарищ командир!- ответил рулевой, который подарил Алеше тельняшку.

- А вы, Саломатин?

- Десятилетку, товарищ командир.

- Слыхал? Да еще год в учебном отряде. Саломатин у нас лучший сигнальщик. Профессор!

- По части компота, - тихо подсказал рулевой Паршин.

Терещенко только бровью повел, сказал Алеше:

- Хочешь командовать таким конем? - Командир похлопал по ручкам телеграфа, Алеша знал - одного движения командира достаточно, чтобы катер взял такой ход, какой и не снился команде "Кормильца". - Хочешь - учись. Осенью откроют школу, снова пойдешь в восьмой класс.

- Товарищ командир, неужели всей командой не поможем ему до осени в девятый сдать? - сказал Саломатин.

- Нечего было школу бросать, - отрезал Терещенко. - Завтра приходи на набережную. Знаешь, где германский обелиск?

- Знаю, товарищ лейтенант. Где львы. Против Дома флота.

- Точно. Будь там в девять ноль-ноль.

Утром Алеша отпросился у Шустрова на берег. У обелиска со львами Терещенко перевел ему высеченную в камне надпись: "Германские войска высадились в Ганге 3 апреля 1918 года и очистили эту землю от большевиков. Вечная благодарность".

- Это финские буржуи написали отцам нынешних фашистов, - сказал Терещенко. - А рабочих послали в тюрьмы и на виселицы.

- Почему же не свалят этот поганый камень?

- Нельзя, Алеша, - сказал Терещенко. - Мы арендаторы этой земли. На случай войны. Большой войны.

Алеша не спрашивал, куда его ведет Терещенко. "Если задумал вернуть в Ленинград - сбегу". Но куда сбежишь в арендованной базе, когда с трех сторон море, с четвертой - чужая страна. Весной Алеша сообщил однокласснику свой адрес, разумеется, номер военной почты. На письмо ответил весь класс: гордимся товарищем, который служит на форпосте родины. И тут же вопрос: есть ли на Гангуте школа?.. Может, Терещенко ведет в школу? А может, и к командованию, чтобы взять юнгой на "МО"?

А Терещенко, шагая рядом, рассказывал о боевой службе:

- Знаешь, юнга, другой раз встречаем мы их в море. Лезут нахально в наш квадрат. А флага не показывают. То немцы, то англичане, то шведы. Прижмешь: покажи флаг! Боцман этак вежливо наведет пулемет. Будто между прочим: проворачиваем механизмы... Те - флаг на мачту. Заблудились, говорят, извините, и - ауфвидерзеен, оревуар, гудбай... Зло берет. Бремя мирное. Козырнули Друг другу и разошлись бортами. Терпение пограничнику нужно. А камень этот - черт с ним! - Он искоса взглянул на Алешу и рассмеялся: - У тебя выдержка пограничника. Наверно, волю закаляешь?

- А я догадался, куда идем! - поняв лейтенанта, ответил Алеша. - Вон в тот двухэтажный дом...

Терещенко оставил его во дворе политотдела базы и вошел в дом, где решались не только военные дела, но и гражданские, поскольку другой власти в морской базе не было.

- Ну вот, юнга,- сказал Терещенко, выйдя наконец с Алешей на улицу. Бригадный комиссар объяснил: не то сейчас время, чтобы бродяжничать...

Он смолк внезапно, стал навытяжку вдоль тротуара, взял под козырек: мимо шли двое - девушка, сверстница Алеши, тонкая, быстрая, с косами, убранными под цветастый платочек, в синем, как у парашютистки, комбинезоне, и рядом худощавый капитан, морской летчик, с орденом Красного Знамени на кителе. Его лицо потрясло Алешу: не лицо, а маска, мертвенно-бледное, губы белые, нос словно наклеен, ни век, ни ресниц, ни волоска на спекшихся надбровьях, одни глаза, горячие, жгучие. Такие глаза и у девушки, они настороженно смотрели на Алешу из-под густых темных ресниц.

Когда девушка и летчик прошли, Терещенко сказал Алеше:

- Это Леонид Белоус. Командир эскадрильи "чаек". Видел Катю? Вылитый отец. Таким и он был до финской. Горел в бою. Все лицо из лоскутов. Спит, не закрывая глаз...

До порта шли молча. Прощаясь, Терещенко сказал:

- Катя Белоус пойдет в девятый. И ты пойдешь, если подтянешься. Бригадный обещал. А будущим летом возьму в море. Только старайся. Чтобы дорога в училище Фрунзе была тебе открыта...

С этой надеждой Алеша вернулся на свой буксир.

Но все сложилось по-другому.

В школе он проучился только год. Осенью, сдав за восьмой класс, Алеша поступил в девятый и переехал в интернат, устроенный для тех ребят, чьи родители жили далеко от школы, - в лесу у перешейка на северо-востоке, в Рыбачьей слободке на западном берегу, или на Утином. По субботам ребята

разъезжались по домам, к понедельнику возвращались с уймой новостей. Чего только не узнавал Алеша от ребят, побывавших дома! И про Гранина, какой он веселый, расстроится - сядет возле штаба с гармошкой играть "Сама садик я садила", а по воскресеньям мчит спозаранку на мотоцикле к летчикам, Белоус учит Гранина летать... А тот оркестр из трех баянов, который встречал в гавани первый караван, это Думичева Сереги затея, лучшего сапера на границе, он до службы баяны настраивал, артист...

Одному Алеше некуда ехать в воскресенье. Его родной дом - "Кормилец", занесший его на Гангут, но и "Кормилец" не мог всегда ждать у причала девятиклассника Горденко.

Шустров все чаще отлучался в Таллин, буксируя суда для ремонта, а потом и сам остался с "Кормильцем" в Таллине до весны: надо же и этого трудягу привести в порядок.

Алеша искал на причалах знакомых. До Густавсверна далеко, Алеша возвращался ночевать в пустой интернат.

Не только для него, для всех в общежитии был праздник, когда приходили с "Двести тридцать девятого" рулевой Андрей Паршин и сигнальщик Саша Саломатин. Гостинцы, посылочки от командира, от мотористов ссыпались на стол. Начинался пир. Но вершиной праздника становились "были и небылицы сигнальщика Саломатина, профессора по компоту", как называл его Паршин. Добрый и словоохотливый, Саломатин усаживался на табурет, щурил глаза, зоркие, знатные на всю Балтику, и заводил: "Назначили нас в дозор в квадрат тридцать два..." Пауза внушала ребятам трепет и уважение к квадрату "тридцать два". Сигнальщик, выдержав паузу, продолжал: "А лейтенант Терещенко сами знаете, какой человек..."

Алеша ночами мечтал, воображая себя то сигнальщиком на мостике, то рулевым, то командиром катера... Катер в засаде... До чего ярко светит луна! Маневр - и катер в тени... Серебристая дорожка пересекает квадрат тридцать два. Мелькает таинственный силуэт... Алеша схватывает ночной бинокль. Он видит, нет - он обнаруживает неизвестную шхуну под парусом... Так и есть: под рыбачьими снастями бомбы, рация, потайные фонари. "Право на борт!" Алеша решительно врубает ручку телеграфа на "Полный". Рывок - и враг взят на абордаж. Прыжок с багром на палубу. Удар!..

Мечты! О них в классе знала только одна душа - Катя Белоус. Катя жила дома, в летном городке. Она приезжала рано, на мотоцикле, сама за рулем, отец позади на багажнике. Злясь на глазеющих ребят, она убегала, не прощаясь, в школу - отец провожал ее немигающим взглядом и уезжал. В декабре, перед

каникулами, Катя звала Алешу пожить у них, она знала, что "Кормильца" в порту нет. Алеша отказался. Не от обиды ли?

Когда его принимали в комсомол, Катя строго осудила его бегство из дома и школы. На фронт, на смену отцу? Да, ее отец бежал из госпиталя на фронт, хотя бинты закрывали всю голову, кроме глаз. Но летчик бежал к своему делу. А Горденко?..

Нет, не мог Алеша обижаться на Катю Белоус. Просто он не хотел даже в дом летчика Белоуса идти сиротой. Он чувствовал себя самостоятельным и этим дорожил. К весне он еще больше вытянулся - не зная, дашь все девятнадцать.

Весной Шустов привез ему из Таллинна безопасную бритву. Терещенко, встретив Алешу на пирсе с этим подарком впрок, смеялся:

- Теперь без военкомате тебя и юнгой не возьмешь. Ну-ну, не куксись. Перейдешь в десятый - сдержу слово...

Мечты и надежды. В июне, когда Алеша перешел в десятый, все ребята, кто с матерью, кто с отцом, собирались на Большую землю. И его мать звала под Винницу, хоть на месяц. Но ему надо работать на "Кормильце". Уедешь, могут назад не впустить - база за рубежом, тут режим, пропуска вечером, комендантский час. И выход в море с Терещенко прозеваешь, нельзя уезжать... И вот все обернулось иначе.

Войну ждали все - от командующего до рядового. Даже гражданские жители учителя, врачи, хлебопеки, - все в морской базе понимали: будет война. Только когда она грянет, не знали. А она пришла незаметно, внезапно, в одну из белых июньских ночей.

Приход пассажирского корабля - событие в отдаленной базе.

- Письма везете? - кричат с прибрежных скал.

- Кому нет, напишет Маша, буфетчица! - отвечают шутники.

Ясным утром в субботу 21 июня пришел белый турбоэлектроход новой линии Ленинград - Таллинн - Ханко. Билеты на него продали заранее, к вечеру он должен был уйти. Но задержался. Еще до комендантского часа провожающие сошли на берег. Рынды на военных кораблях пробили полночь, а судно не ушло. Порт стих. Кое-где горели фонари. Светились огни плавбазы подводников.

Словно порыв ветра пробежал по городу - трель свистка, ревун на катере, стрекот мотоцикла, и всюду погас свет. Капитан турбоэлектрохода нервно звонил в штаб: почему срывают рейс?! Ответили коротко и резко: "Генерал Кабанов приказал ждать!"

Командующий Гангутом генерал Кабанов понимал, что страна накануне войны. Суда под фашистским флагом везут и везут в Ботнический залив танки и войска. Финляндия, по

существу, оккупирована Гитлером. Немцы, не маскируясь, разглядывают с вышек Гангут. Накануне пришло предупреждение об опасности. Кабанов взял на себя риск задержать судно на случай срочной эвакуации женщин и детей. И не ошибся.

Вызванные Кабановым после полуночи главные командиры, мчась по пустынным улицам, поглядывали на "голубятню" - так прозвали вершину водонапорной башни, где на пункте управления артиллерией стояли дальномеры и стереотрубы. Сигнала тревоги там не было.

В штаб Кабанов вошел спокойный, пригласил всех сесть, надел очки и прочел радиограмму штаба флота. Германские корабли подошли к устью Финского залива. Гангуту приказано наблюдать за морем, воздухом, сушей. В полночь по флоту объявлена готовность номер один.

Белая июньская ночь шла к концу. Воздух полон запахами сирени и росы. Лениво бьет прибой. Все в напряжении, ждут. В четыре пятьдесят утра Кабанов снова созвал главных командиров: фашистская Германия без объявления войны нарушила наши границы и бомбила наши города. Значит, не тревога - война.

Гранин в то утро не поехал к Белоусу учиться летать. С "голубятни" начальник артиллерии приказал: пушки зарядить к бою - возможно появление морского противника.

Когда Алеша прибежал в порт, на верхней палубе судна ставили зенитный пулемет, а белую грудь красавца матрос в люльке размалевывал пестрыми красками маскировки. Возле электрохода толпа: школьники, матери, учителя. Объявлена эвакуация всех, кто не нужен на фронте.

Одноклассники завидовали Алеше. Он, как взрослый мужчина, распоряжался собою сам. Он успел побывать в политотделе, но об этом помалкивал: ему приказали быть до срока призыва на буксире, а у ребят буксир не вызывал почтения. Прощался он с товарищами, как бывалый моряк, знающий свое место на войне.

- Белоус на борту? - спросил Алеша, не видя в толпе Кати.

- Давно в Кронштадте, самолетом улетела. Получил назначение?

- Остаюсь здесь, - важничал Алеша. - Назначен рулевым.

- Остаешься? - услышал он тихий голос за спиной, Катя оттянула его в сторону.

- А болтали - ты улетела. - Алеша смутился: Катя не терпела хвастовства.

- Не узнавал в политотделе про курсы снайперов?

- Тебе-то зачем? Вас всех вывозят в Кронштадт.

- Я остаюсь с отцом. Пока попрошусь в госпиталь. А потом...

Катя не договорила, объявили посадку. Она заволновалась:

- Только молчи. Девчонки узнают - сбегут. Ну прощай.- Она махнула Алеше и убежала.

За кормой электрохода пыхтел "Кормилец". Карлик, где-то внизу. Но ему выводить эту махину из гавани.

Алеша оглянулся, не смотрят ли товарищи, и прыгнул вниз. Все-таки он предпочел бы "Двести тридцать девятый".

Турбоэлектроход ушел в охранении эсминцев, катеров "МО" и гангутских истребителей. Над морем они сбили "юнкерс", не дали потопить судно. В тот же день в море ушли подводные лодки.

А "Кормилец" теперь нужен был всем, особенно в шхерах, где Шустров и вся команда знали ходы и выходы. Там возникал горячий фронт.

Над Гангутом высвистывали снаряды-входящие и исходящие, так называли снаряды батарей вражеских и своих. Под огнем действовал аэродром, всё на полуострове под огнем окружающих базу батарей. Садится после боя самолет, а перед ним рвутся снаряды. Выручают пушки Гранина, они бьют неистово, заставляя врага замолчать.

В первых же боях Гангут выстоял. С далеких фронтов поступали тяжелые вести. Там главное. Как помочь, как оттуда оттянуть силы - этим жил сражающийся в тылу врага гарнизон.

Прошел слух, будто Гранин снова, как в финскую войну, собирает матросов в десант. А Гранин сам рвался в наступление. Он вел огонь по сухопутью, ждал боя морского, изливал Пивоварову наболевшую душу:

- Был у саперов - лейтенант Репнин воюет. Разведчики ходили на ту сторону, пушку приволокли. Репнин хвастает: снайпер Сокур из окопа, что ему саперы соорудили, побил больше фашистов, чем весь наш дивизион. Был у Белоуса. Летает. Воюет. Топит корабли. А мы с тобой? Строим блиндажи в три наката, будто собираемся принять на себя все, что есть у Гитлера на складах. Хоть бы завалящий эсминец сунулся...

- Мы же артиллеристы, Борис Митрофанович, - расхолаживал Пивоваров Гранина. - Наша война - позиционная...

- Знаю, что не хлебопеки. - Гранин брал баян, пристраивался возле КП и заводил, конечно же, "Сама садик я садила...".

Известно, что это значило: капитан Гранин рвется в бой...

И Алеша ждал боя, настоящего, как он твердил себе, дела.

Гроза разразилась на западном фланге, на пограничном острове Хорсен. Оборону там держал взвод солдат. Взвод понес большие потери. Настал час, когда в живых остались раненный в голову сержант и семеро солдат, закопченных, измученных боем и бессонницей. Сержант рассудил: надо дождаться подкреплений.

Он залег на развалинах у переправы к их острову Старкерн, о чем доложил по телефону на материк. Потом связь оборвалась. Мысль об отходе казалась солдатам чудовищной. Надо драться и задержать врага. Когда Кабанову доложили, что к Хорсену идет десант, он приказал артиллерии отсечь десант огнем, а за бойцами послать буксир и снять их с острова.

В полдень из Рыбачьей слободки на западе Ханко вышел "Кормилец". На полпути его обстреляли, но батареи Гранина открыли по пушкам врага огонь. "Кормилец" проскочил к крутой высоте Хорсена, за которой дрались семеро солдат и сержант.

- Как же их сюда вывести, пока Гранин подавляет противника?- сказал Шустров, выбирая, кого послать на остров.

- Я помню, где тот дом,-вызвался Алеша.-Мы туда пограничникам консервы носили. Позвольте сбегать?

- Беги, сынок. Только поберегись. Скажи, чтоб поспешили...

Алеша перемахнул за борт и по торчащим из воды скользким и острым камням добрался до суши. На гребень высоты он выбрался, разодрав в кровь руки. За каждым кустом Алеше мерещился враг; никакого оружия у него не было, кроме перочинного ножичка, подаренного Катей. Он оглянулся на море. Из рубки "Кормильца" чья-то рука ободряюще помахала ему фуражкой. "Василий Иванович тревожится!" Алеша смелее побежал по обратному склону высоты вниз.

На месте знакомого дома торчала труба, черная, простреленная насквозь. А вокруг - воронки, поломанные деревья, кирпич и бурая пыль.

- Стой!

Алешу испугал внезапный окрик.

- Не стреляйте, товарищи, я с "Кормильца", за вами.

Перед Алешей стоял огненно-рыжий сержант с перебинтованной головой, обросший густой закопченной щетиной.

- С какого кормильца? - грубо спросил сержант, разглядывая незнакомого, в матросской одежде парня.

- С буксира. Приказано вас снять с острова.

- Снять с острова?! - Сержант смотрел на Алешу с подозрением. - Хмара! Обыскать!

От обиды Алешу зазнобило. Но он и не шелохнулся, когда из развалин поднялся и подошел боец, такой же заросший, как и сержант, только не рыжий, а чернобородый. Алеша дал себя обшарить.

- Не тронь, я сам! - Алеша схватил чернобородого за руку, едва тот нащупал под тельником кармашек с комсомольским билетом.

Сержант вынул свой билет и сверил подпись и печати, он тоже вступал в комсомол на Ханко. Сличая лицо парня с фотографией, он невольно глянул на свою карточку и машинально провел ладонью по щетине: попадись он сам с такой физиономией на проверке, ему бы несдобровать,

- Значит, за нами, говоришь? - Сержант вздохнул, не посмев произнести то, о чем горько подумал каждый: "Сдаем остров?!"

- Василь Иваныч просил поскорее, а то снарядами накроют.

- За мной! - приказал сержант, подхватывая оружие, телефонный аппарат и не спрашивая, кто такой "Василь Иваныч".

А враг уже высадился с запада на Хорсен, вышел к берегу, где болтался в дрейфе буксир, и на гребне высоты, где раньше пробегал Алеша, устанавливал пулемет.

Шустров, рискуя напороться на риф, крутился под пулеметным огнем и клял себя за то, что послал безоружного юношу на верную гибель. Он не мог бросить солдат и Алешу, а пули уже разнесли вдребезги козырек над рубкой и решетили ветхие борта.

- Не дадут Василь Иванычу к берегу подойти! - сказал Алеша, когда солдаты вывели его другой, короткой дорогой к обрыву.

- Держи. - Сержант сунул юноше телефон и, распластавшись, пополз по гребню высоты к пулемету; солдаты за ним.

Алеша остался один. Он почувствовал всю горечь безоружного человека в бою. Ему показалось, что буксир уходит.

"Мы здесь!" - хотелось крикнуть во весь голос. Алеша вскочил, сорвал бескозырку и просемафорил те же слова по хорошо заученной им флажной азбуке. "Кормилец" снова повернул к берегу, под огонь. Пули свистели над Алешей, он прижался к старому дубу. Наверху вдруг загремело, сержант бросал гранаты; возле Алеши прожужжал и ткнулся в кору дуба осколочек. А пулемет смолк. Перочинным ножом Алеша выковырял черный рваный кусочек металла и спрятал в карман. "Подарю Кате"...

С гребня высоты бегом спускались солдаты. Сержант катил перед собой пулемет. Потом он с чернобородым Хмарой взяли трофей на плечи и понесли через отмель на буксир.

А Кабанов, сняв с Хорсена остатки взвода, готовил сильный контрудар, чтобы устранить угрозу флангам. Утром на КП артиллерии уехал Пивоваров, а на флагманский КП вызвали Гранина.

- У вас есть опыт недавней войны, - сразу начал Кабанов. - Создайте такой же лихой отряд, как тогда. Людей дадим столько, сколько вам нужно. Формировать будете на ходу. Ночью пойдете на Хорсен, оттуда доложите, можно ли там устроить базу отряда.

Гранин на радостях растерялся и не понял:

- Хорсен же захвачен противником!

- Значит, его надо отобрать, - спокойно, с едва заметной усмешкой в глазах, сказал Кабанов.

Оплошал Гранин перед генералом, век себе не простит.

- Разрешите, товарищ генерал, Пивоварову идти со мной?

- Берите. - Кабанов знал об их старой дружбе. Пожалуй, такому горячему командиру нужен трезвый, спокойный штабист.

В дивизион Гранин приехал незадолго до возвращения Пивоварова. Не зная о разговоре Гранина с Кабановым, Пивоваров решил подразнить его:

- Про десантный отряд слыхал?

- Слыхал.

- Кому-то счастье, да не нам с тобой.

- А ты не просился у генерала? - безразлично спросил Гранин.

- Просился. - Пивоваров помрачнел. - По команде, говорит, обращайтесь.

- Правильно. В следующий раз не лезь через голову командира. Ладно, возьму, Федя, и тебя с собой.

Желающих пойти в десант записалось много, добровольцев Гранин отбирал, отдавая предпочтение таким, как Богданыч, уже испытанным в бою; сам он, перейдя под вечер в Рыбачью слободку, сформировал группы захвата Хорсена и соседнего с ним Кугхольма. Из слободки группы скрытно переправлялись на исходную позицию для броска. Ночь, как назло, была тихая, с высадкой надо справиться до того, как луна осветит подходы к островам.

Дальнобойные по сигналу открыли огонь. Загудели басы гидросамолетов, посланных бомбить острова. Ночь стала такой грохочущей, что сопение "Кормильца", спешащего в пролив между Хорсеном и Кугхольмом, тонуло, как комариный писк в буре, и только десантникам казалось, что машина буксира слишком громко стучит. Их успокаивал Богданыч, самый бывалый в группе захвата Кугхольма, он твердил, что "Кормилец" - гроза Балтики и никогда десантников не подведет.

Бой за Кугхольм был недолог, враг не ждал десанта, высаженного на камни еще на подходах; когда "Кормилец" причалил к пристани, бой затихал уже на противоположной стороне.

А на Хорсене бой только разгорался. Две волны десантников шли с флангов, третью Гранин сам вел к пристани на "охотнике". С Хор-сена катер заметили, над ним повисла яркая ракета. С высот при свете ракет расстреливали катер. Гранин перемахнул за борт, зная, что катеру надо поскорее отойти. Вода захлестнула его с головой. Кто-то свалился ему на плечи, он устоял и

бросился к берегу. Люди, мокрые, выбирались на Хорсен и залегали у пристани. Сверху, с холмов, били автоматчики, не давая поднять головы. Гранин вскочил и увлек всех возгласом: "За мной, орлы!"

Всю ночь в густом хорсенском лесу шел бой, жестокий и, казалось, беспорядочный. Он кончился, как его задумал командир. Разрезав остров пополам, Гранин сломил сопротивление врага.

По крутой тропе Гранин поднялся в центр Хорсена, где Пивоваров под десятиметровой скалой облюбовал пещеру для КП.

- Вот нора. Прямо кротовая. - Гранину определенно нравилось будущее жилище. - Здесь и будем жить. Какой сегодня на белом свете день? Июль. Девятое. Среда. Так и запомним, Федор. Девятое июля - день нашего новоселья в Кротовой норе. Связь уже есть? Молодцы. Давайте флагмана. Здравия желаю, товарищ ноль один! Докладываю: мое место - "Гром"!

- Закрепляйтесь на "Громе" и развивайте успех! - приказал Кабанов. Сегодня же пришлю вам поддержку.

Рыбачья слободка стала базой снабжения отряда. Еще накануне пристань выглядела тихим уголком. А сейчас на нее и на пролив между нею и Хорсеном с яростью набросилась артиллерия врага.

На рассвете "Кормилец" доставил сюда раненых и десятка три пленных. На дымном, пылающем берегу раненых ждала госпитальная машина. Команда так и не успела после ночных десантов отдохнуть. Алеша помогал переносить раненых. Он заглянул в кузов машины, в кабину - кого искал, не было. За последние дни много слышал о гангутских девушках - санитарках, донорах, сестрах. Спросить шофера, служит ли в госпитале Катя Белоус, он постеснялся.

Быстро рассвело. Погода стояла знойная. Утро было самым свежим временем суток, а теперь и утро на берегу стало нестерпимо душным. Солнце, всплывая над пристанью, мешало врагу бить прицельно, он бросал снаряд за снарядом в пожарище, разметывая головешки и желтый дым. Удушье гнало людей в лес или к воде.

Алеше хотелось скорее уйти в море. Ночью Шустров не доверял ему штурвал. Сейчас Алеша дремал в рубке; как только погрузили продукты, мины и патроны, он взялся за штурвал. Повеяло прохладой, сонливость как рукой сняло. Рубку, полуразбитую пулеметом, продувал влажный сквознячок. Алеша сбросил тужурку и остался в одной тельняшке. Опять засвистало в небе. Грудь, руки, лицо обдавали волны, поднятые снарядами. Алеша чувствовал, что руки его дрожат, сердце колотится: боялся,

что Шустров заберет руль. Но Шустров стоял рядом, командовал то "лево", то "право руля", готовый помочь Алеше.

До самого Хорсена снаряды преследовали буксир, пока он не скрылся за нависшей над пристанью скалой.

- Разгрузимся и дотемна отдохнем, - сказал Шустров.

Команда понесла грузы на берег, а по крутой тропе спешил к пристани Гранин. Он поманил туда Шустрова.

Алеша видел, как Гранин положил Шустрову руку на плечо и отвел в сторону, но он не мог слышать их разговора.

- Ну, старый боевой конь, спасай положение, - вполголоса сказал Гранин. Нас тут мало, а до подхода сил остров надо удержать. Черт их знает, может, вздумают вернуть остров. Надо создать впечатление, будто мы перебрасываем сюда войска. По тебе начнут бить. Плюнь. Вертись, не давайся, но назад не заворачивай, пока не дам тебе знать...

- Может, груз попутно перебрасывать?

- Не надо. Важнее запутать противника.

Шустров пожал Гранину руку, вернулся на буксир и сказал:

- Пройди, Алеша, по судну и объясни каждому, чтобы держали наготове пробки, пластырь, помпы. Лататься будем на ходу.

Враги открыли по буксиру огонь не сразу, не ждали его появления на фарватере днем. Зато, когда начали стрелять, не стало житья. Буксир швыряло, крутило, он взлетал с волны на волну. Машинисты задыхались под палубой. Взмок у штурвала Алеша, крутил, вертел, с надеждой смотрел на уже близкий -- теперь желанный - берег. Вот видна и надпись на дежурной машине: "Эвакоотряд". Боцман приготовил швартовы. Алеша примерился, как ловчее, впритирку, подвести к пристани судно.

Но Шустров отстранил его, сам повернул судно назад, на опасный фарватер, под снаряды, от которых Алеша ускользнул.

Снаряды ложились все ближе. Матросы едва успевали латать раны, наносимые судну осколками. Кораблик, казалось, стонал от боли, Алеша боялся - вот-вот все рассыплется на куски. Но "Кормилец" скрипел, пыхтел, сновал туда-сюда и не рассыпался. А Гранин под шумок решил захватить соседний Старкерн. Сержант с перебинтованной головой и его семеро солдат с ночи ожидали сигнала на развалинах у переправы, откуда их вывел Алеша, и теперь завязали бой на Старкерне.

Подойдя снова к Хорсену, Шустров увидел на берегу раненых. Двоих несли на носилках, одного санитары тащили под руки.

- Наверху оставьте, - требовал раненый, когда его подняли на палубу. - Вот тут. - Он приткнулся спиной к рубке.

Алеша смотрел на искаженное от боли лицо, кого-то

напоминающее. Из рубки высунулся Шустров:

- Где тебя, браток, угораздило?

- На переправе меня. - Раненый поднял знакомые Алеше глаза и добавил: - Мы и Хорсен, и второй остров с сержантом брали...

Алеша узнал солдата Хмару, который обыскивал его на развалинах. Узнал, хоть его и побрили в Рыбачьей слободке.

"Кормилец" на этот раз пошел прямо в Рыбачью слободку.

- Вы что носитесь как оглашенные? - кричали с пристани.

- Живучесть проверяем, - ответил Шустров, разглаживая усы. На берегу ждала санитарная машина. По сходням вбежали сестры.

- Не надо носилок, я сам, - сказал Хмара, но идти он не мог.

Левой рукой он обвил шею сестры. Алеша подхватил его справа.

- Пошли, - скомандовала сестра. - Только веди в ногу. Не топчись...

- Катя? - Алеша скосил глаза.

- Осторожнее веди, ему больно.

- А я тебя не узнал!

- Я тоже, - колюче ответила Катя.

Раненый тщетно старался не виснуть на плечах юных санитаров.

- Невеста? - страдая от боли, грустно улыбнулся раненый.

- Катя. Комсорг наш. - Алеша нахохлился.

- Ты, хлопец, не серчай на меня. Война, сам знаешь.

Алеша понял, что Хмара вспомнил про обыск.

- Какая обида, что вы!.. Все правильно.

Рука Кати дрогнула на плече раненого.

- Ну, здравствуй! - сказала Катя с раздражением, когда раненого они внесли в машину. - Что означает твое "правильно"?.. Подумаешь, жених!

- Да мы совсем про другое. Ты не так поняла, Катя. - Алеша смешался, но вспоминать про обыск ему не хотелось. - Уже служишь? - Он кивнул на матросскую звездочку на ее берете.

- Служу. Санинструктор веэмге. - И свысока, как непосвященному, пояснила: - Военно-морского госпиталя. А ты?

- Пока на мирном положении. - Алеша постыдился сказать "вольнонаемный". Вспомнив, он достал из кармана осколок: - Хочешь на память? Тепленький был...

- Подумаешь! Возле госпиталя их полно. От фугасных, от бомб.

- Это от гранаты. ("Эх, рассказать бы ей про бой!..")

- Можешь отдать своей невесте, вояка! - насмешливо сказала Катя. - Тебя на военную службу не берут?

Шофер уже завел мотор, из кабины звала старшая медсестра:

- Белоус, в машину!

- Сейчас! - отмахнулась Катя. - Ты хоть написал матери?

- Там немцы. - Алеша опустил голову. - Уже в сводке было...

- Белоус! - Старшая высунулась из кабины. - Сколько можно!..

- Добивайся, Горденко, настаивай! - Катя вскочила в кузов. - Может, к нам в санитары возьмут...

Машина тронулась. Алеша стоял, пока она не скрылась за бугром.

На земле валялся кусочек рваного металла.

Среди многих рапортов, поданных командиру базы торпедных катеров о назначении в десант, была решительная просьба Ивана Щербаковского. На Ханко он только прибыл, никто его еще не знал, взяли шофером полуторки. В прошлом торговый моряк, он облазил весь свет, прошел все - от палубного матроса до механика. Был он черен как цыган, быстр и резок в движениях и разговоре, роста среднего, но жилистость и худоба делали его высоким. Он уверял, и в это нетрудно было поверить, что именно в котельной он навеки почернел, а палящее солнце тропиков так выдубило его кожу, что ни одна пуля ее не пробьет. На этом основании он требовал зачислить его к Гранину немедленно и включить в список добровольцев обязательно под номером один - так и написал в рапорте. Командир береговой базы, выслушав его доводы, сказал, что список составят по алфавиту:

- Ваше место в нем на "Щ". Понятно? Можете идти.

Щербаковский выбежал из штаба, что-то вспомнил, вернулся, нашел нужного писаря, узнал, что все матросы на "А" в море, а список открывает фамилия Бархатов. Он пошептался с писарем и ушел. В назначенный час добровольцы построились у штаба в полном вооружении. Начальник строевой части развернул список и выкликнул:

- Щербаковский Иван Петрович!.. - Осекся, пожал плечами и закончил: Главный старшина.

- Есть!-радостно крикнул Щербаковский, благодарно зыркнул на писаря и тут же под сердитым взглядом командира береговой базы вытянулся так, словно в него вогнали жердь.

- Бархатов Борис... Макатахин Михаил... Никитушкин Николай...

Перекличка кончилась, начальник политотдела сказал напутственное слово, и катерники строем двинулись в Рыбачью слободку, где их поджидал "Кормилец". Там опять выкликали по списку, и Щербаковский первым прыгнул на буксир.

Увидев Алешу без дела возле рубки, он протянул ему автомат:

- Подержи, сынок, машинку. Приготовимся нырять с вашей шаланды в залив. Щербаковский стал заправлять флотские брюки в скрытые под ними сапоги.

Алеша простил ему даже "шаланду", приняв на хранение автомат.

Совладав с обмундированием, Щербаковский взял оружие.

- Нравится? - спросил он покровительственно.

- Нравится, - подтвердил Алеша.

- Ты какого года?

- Тысяча девятьсот двадцать третьего.

- Сосунок еще. В твоем возрасте Иван Петрович весь свет обошел, исключая Албанию и Китай, побывал даже в таком государстве - Таи, где императором его величество Пу И.

Матросы хохотали, но Алеша не удержался, поправил:

- Император Пу И в Маньчжурии. Мы это в седьмом проходили...

- Ты, сынку, с Иваном Петровичем не спорь, - настаивал главстаршина, поглядывая на десантников. - Я, возможно, лично разговаривал с императором.

- О чем же вы беседовали, главстаршина? - поддел Бархатов.

- Подарил краткую биографию Николая Второго с надписью: "И ты там будешь!", - отрезал Щербаковский под смех матросов.

- Берегись! - крикнул из рубки Шустров.

Буксир круто вильнул от очередного снаряда; все присели, кроме Щербаковского, его обдало волной, но он стоял, как влитый в палубу.

Довольный собой, он протянул Алеше автомат:

- Хочешь такой иметь?

- Очень.

- Так в чем же дело? Плюнь на эту шаланду, иди со мной. Возьму к себе в адъютанты. Завтра же раздобудем автомат, гранаты...

- Зачем, главстаршина, дисциплину подрываешь? - вскипел Бархатов. Паренек на должности, а ты его сбиваешь с пути...

- Подумаешь, должность - болтаться на старой калоше. Ты, сынку, айда за мной. Приму под свое командование.

На пристани Хорсена Пивоваров распределял пополнение - кого в оборону, кого на Старкерн, кого в резерв. Щербаковский предстал перед ним во всей красе. Где-то он уже разжился пулеметной лентой, опоясался ею, заткнул за пояс гранаты и заломил мичманку. Пивоваров оглядел его с головы до ног, покачал головой и сказал:

- Ленту сдать в боепитание для пулеметчиков. Привести себя в порядок - и в резерв.

- Как в резерв?! - опешил Щербаковский. - Я воевать пришел, а вы меня в резерв!

- Прекратить разговоры! - одернул его Пивоваров. - Принимайте отделение первого взвода и быстро в распоряжение лейтенанта Фетисова. Кру-у-гом!

Резервную роту только формировали, ей отвели пещеру возле Кротовой норы. Соседство с Граниным, хотя Щербаковский его еще не видел, утешало. Но впереди было новое огорчение: ротный писарь, ничего не подозревая, внес главстаршину в список по алфавиту на "Щ". Щербаковский обиделся, шумел: "Все равно буду первый после комроты! В бою добьюсь!" Но пока его фамилия стояла первой лишь в отделении, еще не нюхавшем пороха.

А "Кормилец" тем временем привез еще одну группу добровольцев из разных частей. Гранин ко всем приглядывался, ходил по землянкам, советовал, как устроиться на этой главной базе будущих десантов. Из командиров рот ему очень понравился Анатолий Фетисов, судьба которого сложилась необычно: лейтенант, выпускник морского училища, в финскую войну попал на сушу и с тех пор не мог вырваться на корабль. Приглянулся ему и Щербаковский. "Этот для дерзких ударов в тыл. Если не врет!" Гранин решил при случае проверить его удаль. Богданыча он определил в разведку, он сам отбирал туда людей ловких и отчаянных, и все уже знали, что в разведку попасть не легко.

...У Кротовой норы Гранин как-то встретил странно одетого бойца: на ногах ботинки и обмотки, брюки армейские, бушлат флотский, мысиком торчит тельняшка, а на голове фуражка с оторванным козырьком, повязанная ленточкой - "Торпедные катера".

- Кто такой? - резко спросил Гранин.

- Василий Камолов, бывший боец железнодорожного батальона, ныне моряк отряда капитана товарища Гранина! - отбарабанил солдат, но под его белесыми ресницами не было и доли лихости, он смотрел на Гранина с мольбой.

- Моряк, - передразнил Гранин. - Что за гардероб на тебе, моряк!

- Товарищ капитан, это катерники ссудили. Один дал бушлат, другой тельняшку, а под ленточку пришлось оторвать у фуражки козырек...

- Что ж ты делал на железной дороге? Через Финляндию катал?

- Ездил. Только я - по хозяйственной части. - Белесый сник.

- Эге! Интендант, значит? На камбуз тебя поставить?

- Что вы, товарищ капитан! Я ж по специальности пулеметчик!

- Пулеметчик, говоришь? - Гранин что-то прикинул в уме. - На Старкерне и пулеметчик и кок нужны. Пойдешь на остров.

- Мне б форму, я бы как все, моряком, - взмолился белесый.

- Флотскую форму за так не дают. - Гранин и виду не подал, что белесый ему по душе. - Вари борщи, а там посмотрим.

На Старкерне белесый кормил семерых, чистил пулеметы, рубил дзоты и ждал часа доказать Гранину, что он не меньше Богданыча достоин служить в разведке.

В ночь, когда противник надумал отбить Старкерн, белесый с товарищем рубил сосны на берегу. Рядом грохнули мины, словно брошенные на стук топора. От Гунхольма в пропив перед безымянным бугром шли шлюпки с солдатами. Был бой, белесый с товарищем тоже покидали весь запас гранат. Но десант, перебив охранение, занял остров. Остались двое - белесый и его друг, раненный осколками мин. Пришлось разорвать на полосы тельняшку, перевязать восемь ран, оттащить друга под скалу, укрыть ветками и залечь рядом.

Гранин сам пошел отбивать Старкерн, с отделением Щербаковского. Тот лез вперед, Гранин его осаживал, но одобрял. А противник почему-то ушел с острова. Щербаковский все обшарил, подобрал на отмели финский пулемет, белесого и его напарника не нашел и остался временно в боевом охранении.

Ничего этого белесый не знал. Ночь и день он провел под скалой возле раненого. Слышал беготню, плеск весел, потом все стихло, но на скале застучал пулемет. По звуку чужой. Значит, кругом чужие. Горел лес, стлался едкий дым. Раненый терял сознание, стонал, просил пить. Белесый сам хотел есть и пить. На вторую ночь выполз, набрал в болотце немного воды, напоил раненого. А под утро выглянул и увидел на скале пулеметчика - на нем чужая шинель внакидку. Белесый затаился возле раненого на весь день. На третью ночь он собрал мох, укрыл друга, обложил камнями, поцеловал и пополз к переправе на Хорсен.

Его задержали только на Хорсене, да там он и не таился. Богданыч, еле узнав воскресшего кока, подтрунивал:

- Гляди-ка, брови появились! Ты что, Вася, сажей их навел?

Белесый сурово потребовал, чтобы его вели скорее к Гранину. Гранин от удивления даже привстал, когда этот солдатик, в копоти, шатаясь, явился и доложил, будто на Старкерне враг, на скале их пулемет, сам видел шинель не нашу, надо спасать спрятанного под скалой раненого.

- Так это ж трофейный пулемет, - объяснил Гранин. - И шинель трофейная. Ею ночью главстаршина укрывается от холода...

Зря, выходит, промучился белесый двое суток. Гранин

смотрел на него ласково:

- Как же тебя наши-то не нашли? А? Ловко ты укрылся. Разведчик! Не горюй. Обогрейся и говори, где лежит раненый...

- Нет, товарищ капитан, чего уж обогреваться. Сам за ним пойду.

Той же ночью он доставил раненого прямо на пристань, сдал медикам, а сам пошел спать, чувствуя себя кругом виноватым и боясь попадаться Гранину на глаза. Откуда было ему знать, что Гранин, отчитывая Щербаковского, сказал: "Дал же ты зевка, Иван Петрович. У врага тоже могут найтись такие хитрые разведчики, как этот солдатик!"

Гранин сам вызвал Камолова, предупредил, чтобы в другой раз так не оплошал, и назначил в разведку к Богданычу.

- А насчет формы как? - осмелел Камолов. - Тельняшку пришлось на бинты пустить...

- Надо, брат, иметь индивидуальный пакет. Пивоваров! Дай ему мою тельняшку и зачисли на вещевое довольствие флота.

Наступая, отряд, кроме Кугхольма и Старкерна, взял еще несколько островов, Гранин уже рвался вперед, на материк, но Кабанов приказал ему взять Гунхольм, чтобы обезопасить Хорсен.

Камолова послали на безымянный бугор перед скалой, чтобы оттуда терпеливо высмотреть, что делается на Гунхольме. Как он проник на этот бугор - по отмели или под водой, как забрался на верхушку, - куда он сгинул до утра, никто не видел, не знал, хотя на Старкерне помнили, что главстаршине досталось из-за этого парня. А тот, оказывается, углядел на бугре щель, укрылся в ней, всю ночь слушал, наблюдал и учуял рядом соседа - тот появился с Гунхольма, залег, не замечая Камолова, и стал высматривать Старкерн.

Когда шпион, довольный успехом, уполз, заслонив на миг подошвами обзор, Камолов выследил его путь, пересчитал у пристаней Гунхольма шлюпки и катера, годные для десанта, вернулся к Гранину и все в подробности доложил.

Похвала похвалой, а Камолов снова напомнил про обмундировку.

- Федор, почему до сих пор не переодели разведчика?!

На Камолове были все те же армейские обмотки, потертые на скалах, но чистые и затянуты крепко. Пивоваров сказал:

- Брюки выдам из резерва, то есть свои. А за обмундированием пошлю катер, когда возьмем Гунхольм. Пока отдыхайте.

Не пришлось Камолову отдыхать. Кабанов оценил его донесение и приказал к ночи подготовить десант. Все разработали быстро: Пивоваров с Щербаковским пойдет с тыла;

Фетисов - на холмистую Восьмерку в центре острова; Богданыч с разведчиками - через отмель и путем того шпиона. А Камолов должен из стана врага дать в удобную для высадки минуту сигнал красной ракетой и не упустить момента, если соберется встречный десант.

Опять он проскользнул на бугор, оттуда по пути шпиона на Гунхольм, промок, но ракетница была сухой, у леса перед Восьмеркой его окликнули, но пропустили, услыхав крепкий ответ на своем языке - подучился он в поездках от хозчасти через чужую страну. Словом, он осмотрелся и по многим признакам установил, что мы собрались к ним, они - к нам: с сигналом надо поспешить.

Подняв по тревоге отряд, Гранин у полевого телефона над Кротовой норой ждал этого сигнала. У подножия скалы покачивался "Кормилец". В тени бухточек затаились шлюпки с матросами.

Брызнула и багровой зарей окрасила все небо над Гунхольмом ракета. Будто кто-то сорвал крышку с кипящего котла. Заклокотало, зашумело в ночи. Красную ракету растворила белая. Белую затмила зеленая. Зримо, как на карте, Гранин ощутил все, что происходило там, на пристанях, и на холмистой Восьмерке.

"Огонь справа - Фетисов зацепился... Так. Гранатный бой... Пулеметами жмут, плохо... Ага! Так, так их! Ах ты, белобрысенький!.. Где там Федор застрял?.. Старая черепаха не поспеет, уголь ей возить, а не матросов. Если эта калоша через десять минут не дотопает, попрошу у Кабанова "охотник"..."

"Кормилец" выбивался из сил. Корпус его лихорадило, а больше положенных узлов он выжать не мог. Пивоваров поглядывал на часы: только бы родная артиллерия не опередила и не запоздала. Опоздает - упустишь, опередит угодишь под огонь своих.

- Нажми, Василий Иванович, нажми, милый!..

В вязаных подшлемниках, в черных бушлатах и клешах, заправленных в сапоги, матросы стояли вдоль бортов, готовые занести ногу для прыжка. Каски они сняли и сложили возле рубки горкой.

К Алеше склонился Щербаковский. Жарко нашептывал:

- Когда наступаешь - всегда рубашку с гранаты долой. Убойная сила поменьше. Зато тебя не поранит, если сразу придется врукопашную. Неплоха и эфка. Правда, слишком много осколков дает. Видишь, маленькая, как лимон. А по-моему, как кедровая шишка. Чеку высвободил. Крепко держи, отпустишь, только бросая. Бросай наотмашь, как шишками кидался.

Снежками стекла бил? Врешь, все били. Бросил - и сразу в сторону, наземь, пластом, а потом вскакивай - и дальше.

Алеша внимал всем существом. Шустров - у руля. Алеша решил сбежать. Нехорошо бросать старика. Но ведь в бой - простит. Мужское дело - воевать. И автомат ему Иван Петрович дал.

Когда за Гунхольмом взметнулась фонтанами вода, буксир шел под разрывы. Шустров отвернул, но наскочил на пустые шлюпки рядком у пристани. Повис шипящий фонарь над палубой, шлепали пули, но палуба уже опустела. Матросы прыгали из шлюпки в шлюпку к берегу. Алеша упал на днище, кого-то придавил.

Он растерялся. Кто где, он не понимал. Видел, как упал Пивоваров, но тут же вскочил. Потом все заслонил верзила-финн. Надо стрелять. Но выстрелить в упор Алеша не смог.

- За мной, сынку, - дыхнул ему в лицо Щербаковский...

И Алеша едва не уцепился за его бушлат.

Щербаковский на ходу стрелял. Алеша попробовал, но почувствовал боль в плече. Он все же стрелял, и с каждой минутой злее. Щербаковский замечал, казалось, все.

- Давай, диск сменю. Ты короткими бей.

Они бежали вперед, спотыкаясь. Коротко у Алеши не получалось, очередь так на весь диск.

- Тише, дура, там наши! - Щербаковский сжал Алеше кисть.

Светало. Рвались мины. Противник с других островов бил по Гунхольму, не разбирая, где русские, где свои. На пристани дрались врукопашную. Тот же верзила или другой свалил главстаршину. Алеша всадил в верзилу все, что осталось в диске.

Неужели Иван Петрович погиб? Алеша поднял его и поволок к морю. Щербаковский открыл глаза и смутно смотрел на Алешу.

- С-сбили, ог-глушили, г-гады, - шептал он. - Ж-живой...

Алеша тащил его на "Кормилец".

- П-пусти, я сам. - Щербаковский, шатаясь, лез по сходне.

А на другой стороне дрались разведчики. Путем Камолова они прошли отмель и попали под пулемет. Они слышали, как отбивается Камолов, как кричит он, окруженный врагами: "Балтийцы в плен не сдаются!", - но когда пробились к нему, он уже погиб.

Миша Макатахин приподнял его и отнес в сторону. Разведчики сняли бескозырки. Богданыч положил свою на грудь солдата. И каждый проделал то же. "Пошли!" - приказал Богданыч.

Когда все кончилось, они вернулись туда, где лежал Камолов.

Богданыч взял свою бескозырку, но не надел. Подошел

Макатахин. Подходили другие - каждый брал свою бескозырку, не надевая. Три так и остались на груди солдата, никем не взятые.

Щербаковского так контузило, что он стал заикаться. Доставленный Алешей в лазарет - в подвал разбитого дома на Хорсене, - он пролежал часа два, очнулся, увидел себя в положении больного, возмутился, едва не разнес все медицинское хозяйство отрядного врача, требуя вернуть автомат, одежду, все боевые доспехи, и сбежал в роту. Врач пошел жаловаться Пивоварову, но тот, тоже контуженный, отлеживался в Кротовой норе и сам наотрез отказался уйти на Ханко в госпиталь. Врач пошел к Гранину. Гранин вызвал Щербаковского.

- Вы что, главный старшина, анархию в моем отряде разводите? Силой прикажете укладывать вас в постель?

- Т-оварищ капитан! Я ж не яз-ыком д-олжен стрелять, автоматом...

- Не нашего ума дело. Врач не пускает - и точка.

- Так он же хирург, его д-дело резать. П-усть язык от-трежет, а в-оевать даст.

- Язык вам подрезать не мешает. Да!-Гранин вспомнил и заговорил грозно: Что за волонтера вы к себе взяли?

- Д-доброволец, товарищ капитан. М-не жизнь спас. Отец г-герой, погиб в финскую. М-ать в ок-купации. С-сирота... Храбрый...

Гранин не прерывал красноречия Щербаковского. "Эх, безотцовщина!" вспоминал он и свои скитания в гражданскую войну.

- Паспорт у него есть?

- Д-аже комсомольский б-билет! - обрадовался Щербаковский. - Орел х-лопец. Рулевым на б-буксире служил.

- Поезжайте на Ханко. Оформите там парня, как положено.

- Раз-решите ид-ти?

- Идите. Только мальчонку, чур, беречь. Как его звать?

- Г-орденко Алексей.

Гранин махнул рукой, и счастливый Щербаковский выбежал из Кротовой норы.

Из всего Хорсенского архипелага - так матросы прозвали свои владения - у противника остались два острова: Эльмхольм и Фуруэн. Нельзя было считать защиту западного фланга надежной, пока не захвачены эти два острова. Кабанов приказал Гранину взять последние звенья, замыкающие фронт архипелага.

Фуруэн трудно назвать островом. Узкая, вытянутая с юго-востока на северо-запад скала в шторм походит на полузатонувший корабль. Кругом складчатые шхеры, острые обломки гранита торчат из воды; под водой песчаные мели, каменистые банки. Трудно плавать даже на шлюпках. Гранин приказал Богданычу проверить, какие силы противник держит на Фуруэне.

Под утро Миша Макатахин, помощник и правая рука Богданыча, подгреб вместе с ним на шлюпочке к шхерам с северо-востока и высадил товарища на гранитный валун, облюбованный еще днем. Здесь Богданыч должен был провести день, наблюдая за Фуруэном.

- Трудно будет - ты тихонько перебирайся с камня на камень или вплавь, я буду ждать тебя за той скалой, - шептал Макатакин. - А выдержишь - вечерком подгребу. - Он осторожно опустил забинтованные тряпьем весла в воду, оттолкнулся от валуна и исчез; Богданыч остался один.

Правее должна быть складка, издалека как черная борозда, морщинка на сером граните. А нашел ее в полутьме - обрадовался: да тут целое ущелье с нависшим над водой карнизом, достаточное для матроса такого малого водоизмещения, как он. В шторм, пожалуй, зальет с головой. Хорошо, если тихий будет денек. Богданыч вжался под карниз. Стало зябко. Штаны и серый халат поверх бушлата намокли. Сырость пронизала все тело. Спасали огромные болотные сапоги, подаренные Граниным, а Гранину, говорят, Кабановым, - генерал носил сорок пятого размера обувь.

На Фуруэне проснулись - отчетливо слышны голоса, Богданыч посмотрел в сторону: спокойная гладь воды внезапно вздулась округлым холмом. Холм рос, приближался, переливаясь и становясь круче. Богданыч набрал побольше воздуху, сжал губы, закрыл глаза. Волна проглотила и его, и валун, рассыпалась, но набежала другая. Она опала, и свет затмило что-то зеленое. Разобрал не сразу: борт шлюпки. Зеленый борт уходил, открылась вся шлюпка. В профиль видны заросшие лица гребцов; хорошо,

что не шарят глазами по воде. Волны теперь не пугали Богданыча: он знал, что это от шлюпок. Он вглядывался в Фуруэн. Где там живут они? Много ли их?.. Снова - зеленая волна, потом еще и еще: идут шлюпки. Богданыч осмелел, высунулся: да, три шлюпки полны солдат.

"Фуруэн для них перевалочная база!"

Час, другой, третий лежал Богданыч, все яснее представляя себе, что делается на Фуруэне. Донеслось бренчание котелков. У них уже обед. И на Хорсене, наверно, дежурный по камбузу раскладывает по бачкам кашу из гречневого концентрата, а Иван Петрович требует особо намасливать и без того жирную и вкусную кашу для Алеши, поскольку тот еще птенец.

Когда на залив опустился туман, Богданыч с трудом сдвинулся с места. Но выполз он из-под карниза свободнее, чем вполз: возможно, похудел за эти часы. Он встал, постоял, качаясь, шагнул в воду и опустился на камни: надо скинуть сапоги, ватные штаны и понести в руках.

Когда он вылез на сухой и жгучий от холода камень, где его ждал Макатахин, то скосил в кривой улыбке рот и сказал:

- А все же удобно, Миша, иметь малое водоизмещение...

Выслушав донесение Богданыча, Гранин позвонил Кабанову и попросил разрешения немедленно захватить Фуруэн. Кабанов разрешил, и Гранин тут же отправил к Фуруэну Щербаковского и его матросов, приказав действовать внезапно и, главное, без шума. Богданыч и Макатахин пошли провожатыми.

В ожидании результатов опасной вылазки проходила ночь. Гранин несколько раз вылезал из Кротовой норы и взбирался по каменистой тропе на хорошо замаскированную вышку, где стояли стереотрубы и телефоны. То здесь, то там вздрагивали и мельтешили огоньки, доносился недолгий, но частый стук пулеметов. Вахтенный наблюдатель тотчас докладывал, где и кто ведет огонь. Гранин вполуха слушал доклады наблюдателей, он смотрел в ту сторону, где находился этот чертов Фуруэн и где должен был действовать Щербаковский.

Связной с Фуруэна пришел перед рассветом, когда Гранин собрался посылать туда на выручку лейтенанта Фетисова. В Кротовую нору пролез, еще не отдышавшись от бега, юноша в кирзовых сапогах, в перепачканных глиной брюках и в аккуратном бушлатике, который он успел, прежде чем войти, отряхнуть. Низкий потолок вынудил его пригнуть голову, хотя ему очень хотелось стоять перед Граниным прямо. Ленточки с якорьками на концах свесились вперед, золотая надпись на ленточке при свете коптилки выглядела тускло, с трудом прочтешь стертые временем и морской водой буквы: "Сильный". А

литые, надраенные латунные пуговицы горели даже во тьме, их подарил Терещенко.

Минут десять назад Алеша выскочил из шлюпки и пустился бежать к Гранину с донесением от Щербаковского. Вся группа Щербаковского - десять человек бесшумно добралась на двух шлюпках до Фуруэна и пристала с тыла. Там охраны не было. Щербаковский приказал каждому действовать самостоятельно и тихо, чтобы до срока не привлечь внимания противника. "Н-ожи в зубы, п-ползком, не стрелять". Алеше он сказал: "Ты, сынку, оставайся в шлюпке. Т-ри раза мигну ф-онариком, жми на Х-орсен, докладывай к-апитану, что И-ван Петрович Ф-уруэн взял!" И Алеша ждал в шлюпке час, ждал два, слушая, как стонут надломленные сосны, и вздрагивая при каждом далеком выстреле. Наверху наконец трижды мигнул фонарик, и Алеша понял, что все хорошо, оттолкнул шлюпку и взялся за весла. Он греб долго, плутал во тьме среди камней, натыкался на банки, переименованные им в рифы. Риф - это звучало романтичнее, хотя Щербаковский, показывая свою ученость, однажды заспорил: "У вас, может быть, в д-девятом этого не п-проходили, а я эти рифы лично изучал в океане. Р-ифы бывают т-олько из кораллов и встречаются в т-ропических морях..." Из кораллов ли рифы или, как тут, у берегов Финляндии, из гранита и песчаных наслоений, но Алеше они в эту ночь причинили много зла. Он поминутно вылезал из шлюпки, сталкивал ее с мели, пока наконец не добрался до Хорсена.

- Потери есть? - спросил Гранин, выслушав рапорт Алеши, конечно же, без всех подробностей.

- Все было тихо, товарищ капитан. Иван Петрович приказал воевать ножами. Я долго плутал. Темно, не привык. Разрешите возвращаться?

- Передай Щербаковскому: держать Фуруэн до смены. Укрыться от мин и ближнего огня. Подготовить позицию для снайпера. Пришлю его с пополнением. Повтори!

Гранин ласково смотрел на Алешу, повторяющего приказ.

- Молодец! - одобрил он. - А теперь зайди к старшине, возьми подарки каждому из вас. Девушки из госпиталя прислали для самых лучших бойцов отряда. Иди.

Старшина, он же начальник пристани, он же начпрод, он же начхоз отряда, прозванный "Голова-ноги" за вечные охи и жалобы на занятость, - "Голова-ноги вертятся от стольких дел", - предоставил Алеше право выбора.

- Десять подарков на вас. Девять на остров, один, любой, бери себе.

Завернутые в целлофан таинственные коробки, мешочки с

мотками суровых ниток, иголками, набором форменных, больших и малых, морских пуговиц. Расшитые крестиком кисеты. Курительные наборы - табак, спички, лист тонкой папиросной бумаги, мыло "Крымская роза", варежки, связанные чьей-то заботливой рукой. Все эти дары были свалены грудой в ящик из-под патронов.

Алеша откладывал какой-нибудь подарок, передумав, возвращал, заменял другим. За бритву спасибо скажет Иван Петрович. В блестящем лезвии бритвы Алеша, как в зеркале, увидел свой подбородок, покрытый пушком. Пора уже бриться. Шерстяные носки - Богданычу: ему в разведку ходить. Записная книжка пригодится Никитушкину, тот давно избрал Алешу терпеливым слушателем своих стихотворных упражнений. Курево пойдет по жребию, хотя курить все равно будут сообща. Была бы трубка, и Алеша не прочь закурить: красиво с трубкой, зажатой в уголке рта, пройтись мимо ВМГ, где служат некоторые, много о себе думающие девушки... Алеша ощупывал кисеты, надеясь найти трубку. Не простенькую, как у Богданыча, а настоящую морскую, какую он видел у Шустрова. Люлька - как голова голландского матроса, а Шустров уверял, что это не голландский матрос, а вылитый Мефистофель. В кисетах, шелковых, бархатных, из сатина, из чертовой кожи, можно было найти все, что угодно, только не трубку. Внимание Алеши привлек плотный синий кисет. Этот наверняка в воде не промокнет. И якорек на нем красив. Такой золотистый якорек хорошо носить на груди, хотя по форме не положено. Кисет был легок. Алеша нащупал в нем что-то твердое. Развязал туго затянутую тесемку и извлек вещь необычайной ценности.

В отряде не было спичек, да и что в них толку, когда каждый день приходится лезть в воду, спать в сырости, под дождем - ни табак, ни спички сухими не сохранишь. Другое дело лупа величиной с блюдечко, ею владел матрос, обиженный на родителей за неблагозвучную фамилию: Мошенников. Ему наслаждение, когда заискивающе просят: "Федя, дорогой, дай прикурить!", он так здорово ловил солнечный зайчик, как чудо извлекая из кончика самокрутки сизый дымок, что заработал славу заведующего солнечной энергией, правда, чудо кончалось ночью и в пасмурные дни. И вот Алеша нашел в кисете зажигалку. Настоящую, никелированную, заправленную бензином, кремнем и фитилем; фитиль оделся остроконечной голубоватой шапочкой пламени, как только Алеша сжал пальцами ее хитроумный корпус. За такой подарок каждый скажет спасибо, а Щербаковский даже расцелует, оцарапав своей щетиной. Алеша заглянул в кисет и вытянул конверт в нем были два запасных

камешка для зажигалки и фотокарточка размером 9х12. Он глянул на карточку и забыл про зажигалку, про эти камни, даже про старшину "Голова-ноги", который с нетерпением ждал, когда наконец Алеша выберет подарки.

Строгие, глубоко запавшие глаза смотрели в упор, будто с укором и насмешкой: "Так что ты хотел сказать этим "правильно", жених?"

"Жених!", "Вояка!" Сколько яда вложила Катя в эти слова! Какая она тут взрослая, красивая. Глаза, кажется, поминутно меняют выражение. В них и ум, и насмешливость, и твердость. Что-то новое и непонятно волнующее видел Алеша в милом лице. Вместо непокорных каштановых прядей - челочка на открытом лбу. И пышных кос нет, "Да она постриглась. Катюша, такие косы не пожалела, лишь бы выглядеть постарше! Настоящий санинструктор ВМП"

"Голова-ноги", человек уже в летах, посмотрел на юношу, замершего над карточкой, поймал его взгляд и сказал:

- Так возьми, сынок, ее себе. Положен тебе подарок - бери. Раз она тебе нравится. А поедешь на Ханко - кто знает, может, и разыщешь, с кого снято. Красавица девушка!

Алеша молчал, не догадываясь перевернуть карточку, прочитать, что там написано Катиной рукой. Видя, что Алеша не торопится, старшина сказал сурово:

- Ну давай, Горденко, давай. У меня еще дел невпроворот. Надо пополнение на вшивость проверить и к вам на Фуруэи снарядить. Голова-ноги кругом идут, а ты тут со своей лирикой крутишься...

Алеша спрятал карточку и кисет в карман, сгреб подарки в плащпалатку и побежал к подножию высоты, где волна лениво ласкала его шлюпочку, чуть вытянутую на берег.

На Фуруэне волновались, ожидая возвращения Алеши. Противник рядом, наверно, еще не знал, в чьих руках Фуруэн, и молчал.

Уже светало. Залив затягивало клочковатым туманом. Такой туман опасен, вовремя не разглядишь чужую шлюпку. Матросы поглядывали и ждали. Когда из тумана вынырнула шлюпка, стволы пулеметов и автоматов нацелились на нее.

- Ш-ары на стоп! - свирепо крикнул Щербаковский. - Это Г-орденко!

Шлюпка приткнулась к острову, и Алеша, подхватив автомат, бегом поднялся по скале. Плащ-палатка с подарками осталась в шлюпке.

- Ну, сынку, что сказал командир? - оглушил его Щербаковский, внезапно вырастая из скалы и обнимая Алешу.

Алеша увидел укрытие, даже не укрытие, а гнездо в камнях под сенью кривой березки, непонятно куда пустившей свой корни. В гнезде едва умещались двое, да и то вторым был Богданыч. Щербаковский втянул и третьего. Алеша, дыша товарищам прямо в лицо, рассказал, что велел передать Гранин.

- Богданыч, найди щель для с-найпера. А ты, сынку, б-удь при мне с-вязным.

- Там, в шлюпке, подарки, Иван Петрович, - вспомнил Алеша. - Сейчас принесу.

- П-одарки подождут! - Щербаковский увидел трассирующие светлячки со всех сторон, стало шумно, трассы сверкали на излете, пули цокали о гранит, высекая каменную крошку и огоньки. - Д-дер-жись теперь, сынку. М-ан-нергейм с цепи сорвался...

Прошел под огнем день, прошла ночь, смена не приходила. Матросы лежали вкруговую, на огонь не отвечали, но видели и расстреливали любую шлюпку в проливах, отрезая со скалы своей зажатый в клещи Эльмхольм. А Гранин решил использовать положение и силами резервной роты овладеть Эльмхольмом быстро, как Фуруэном.

- Разрешите и Щербаковского вызвать? - сказал лейтенант Фетисов, принимая задание и, как всегда, улыбаясь.

- Вызывать не надо, - подумав, решил Гранин. - Сменим его в последнюю минуту, он ударит с Фуруэна. Главное-быстрота!

- Это нам по плечу! - опять заулыбался Фетисов.

Гранин долго не мог привыкнуть к фетисовской улыбке, неизменной при самых серьезных разговорах. Вначале его тревожило: не легкомысленно ли относится к бою человек, которому доверены десятки жизней? Потом убедился, что именно в резервной роте меньше всего потерь, хотя самому Фетисову и каждому из его бойцов приходилось рисковать жизнью больше, чем кому-либо в отряде, не считая, конечно, разведчиков. Гранин понял, что Фетисов человек смелый, слегка восторженный и его молодая улыбка означала уверенность в удаче.

Резервная рота пробралась к Эльмхольму во тьме августовской ночи, кто вплавь, кто на шлюпках, гребя веслами, укутанными ветошью. Фетисов сам снял с Фуруэна Щербаковского, заменив его отделение другими бойцами, и повел на врага с тыла. Но противник сдал Эльмхольм без боя, просто ушел с него.

Победа далась слишком легко, чтобы познавшие лихо войны люди не встревожились. И действительно: глубокой ночью разлилось зарево залпов на материке врага. Трассирующие снаряды прожигали ночь, падая на Эльмхольм. Матросы лежали

на той стороне, где не было окопов. Огонь вынуждал людей долбить каменистую землю ножами и единственной саперной лопаткой, вгрызаясь в скалы. Щербаковский и его друзья вырыли под двумя глыбами нору и укрылись в ней от осколков. Той же ночью подгреб на шлюпке телефонист с катушкой провода от Хорсена и установил связь со штабом. На Эльмхольме услышали ободряющий голос Гранина. Он приказал Фетисову держаться до следующей ночи, когда на смену пришлют новый гарнизон.

Седьмые сутки находились люди Щербаковского в десанте. Утром, когда чуть стих обстрел, Щербаковский приказал Алеше принести подарки. Они все еще лежали в шлюпке, стоявшей теперь не у Фуруэна, а в одной из бухточек Эльмхольма.

Никитушкин, поэт резервной роты, завидев принесенную Алешей плащ-палатку с подарками, запел про коробейников:

Пожалей, моя зазнобушка,

Молодецкого плеча!

Алеша насторожился: случайно или нарочно про зазнобушку?

- Ш-ары! - прошипел Щербаковский, потому что противник, услышав песню, перенес огонь на нору под глыбой. - Т-ак придется распределять подарки среди п-окойников. Б-огданыч, подходи. Ты п-ервый герой. Твой выбор.

Богданыч спорить не стал и, к великому удовольствию Алеши, выбрал шерстяные носки, ему и предназначенные. Макатахину Щербаковский предложил флягу в малиновом футляре. Но скромный Миша отказался:

- Вы уж себе возьмите, Иван Петрович. Фляга-то не пустая.

- Не возражаю. А для тебя отличная ш-тука есть. - И пропел: "Синенький т-онкий пла-точек..." Двумя пальцами, осторожно, он извлек из коробки голубой батистовый платочек с пронзенным стрелой сердечком, вышитым желтыми нитками в уголке.

Матросы хохотали:

- Смотри, Миша, носик не поцарапай!

Щербаковский добрался наконец до зажигалки.

- Ну, молодец! - восторгался он неведомым благодетелем. - Т-акую п-прелесть прислать. Знал бы, кто прислал, расцеловал бы.

Рядом ерзал "заведующий солнечной энергией", эх, ему бы!.. И Алеша волновался, вспомнив про конверт с карточкой на груди.

- К-онкуренция - враг с-огласия! - оценив все по-своему, изрек Щербаковский. - Быть тебе, Федя, б-огом солнца и з-ажигалки. Д-держи. Назначаю к-омендором этого орудия. Только боезапас зря не переводи. К-огда солнце лови зайца лупой!..

Дошла очередь до футляра с бритвой. Щербаковский открыл футляр, вытащил бритву, провел лезвием по ногтю большого пальца, осторожно кончиком бритвы дотронулся до своей

щетины, прищелкнул от удовольствия языком и сказал вдруг Алеше:

- А тебя пора женить. Бритву дарю тебе здесь, а невесту подберу на Ханко.

- Иван Петрович, вам бритва нужнее...

- С Ив-аном Петровичем не сп-орь. Сказал - бритва, бери. И женить з-ахочу - не спорь!

Обождав, когда успокоятся веселые матросы, Щербаковский продолжал:

- Мне б-ритва не требуется, пока капитан Гранин ходит с бородой. К-апитан бороду сбреет - я п-арикмахерскую найду.

Опустив глаза, Алеша тихо сказал:

- У меня подарок уже есть.

- Ка-ак есть? Все десять на месте.

- В кисете, где была зажигалка, лежала еще карточка.

- А ну, п-окажи карточку.

Все потянулись к фотографии, разглядывая ее и дивясь: вот это да!

Щербаковский перевернул фотографию и вслух прочитал надпись:

- "Самому отважному"? - Он строго взглянул на Алешу и гневно повторил: С-амому отважному! А п-очему ты решил, что среди орлов Ив-вана Петровича ты самый храбрый? А Мошенников что - т-рус?

Алеша вскинул голову и посмотрел Щербаковскому в глаза.

- Я, Иван Петрович, надпись не читал.

- Так т-ты самовольно? Без товарищей распорядился?

- Мне старшина велел взять. Я с разрешения.

- А кто твой командир? - Щербаковский так громко крикнул, что противник перенес огонь к пещере. - "Голова-ноги" или Иван Петрович Щербаковский?..

- Что вы тут митингуете?! - Лейтенант Фетисов прибежал на шум.

- Горденко! - Щербаковский спрятал фотографию в карман. - Оставляю д-евицу до выяснения при себе. А ты спрячь бритву и ложись отдыхать!

Алеша опустился в расщелину в скале, на дне которой протекал ручеек. Он срубил ножом две тонкие елочки, положил поперек ручейка и на этом мостике лег навзничь, подложив под голову кулак на кулак. Высоко над ним качались растрепанные березки, а сквозь их листву проглядывало голубое небо. Алеша заснул.

Очнувшись, он не сразу понял, что с ним произошло: лег спать днем, а теперь была звездная ночь. Алеша услышал голос

Щербакове кого;

- Г-орденко, Г-орденко! Куда же ты пропал?! Смена пришла. С-корей в шлюпку!..

Ночь на Хорсене была тяжелой. Финские батареи перебрасывали огонь с квадрата на квадрат, на бухты, на пристани. Противник стремился изолировать передовые гарнизоны от Хорсена. Гарь пожаров, проникшая в Кротовую нору, перемешалась с дымом махорки. Совещались командиры.

Возле Кротовой норы беспокойно слонялся Алеша. Он дождался Фетисова и политрука роты, пошел за ними следом.

- Товарищ политрук, на Эльмхольм пойдем? - робко, полушепотом спросил Алеша.

- Будете приставать, - сухо оборвал политрук, - оставим в резерве.

Алеша забежал в пещеру, в которой жила рота, взял свой автомат, надел шерстяную шапочку - такие шапочки матросы надевали во время боя под бескозырку - и в полном вооружении присоединился к товарищам, ожидающим приказа.

В роте уже знали, что враг под прикрытием мощной артиллерии вытеснил наших с Эльмхольма. Командиры тихо спорили, кому достанется идти на Эльмхольм первым.

- В-от увидите, - задирая черную бородку, сказал Щербаковский, - дело решит мое о-отделение. Капитан Гранин так и сказал: "Поручить И-вану Петровичу - и к-рышка!"

- Брось травить, Иван Петрович, - перечил Бархатов. - Одно отделение в таком деле не решает.

- Смотря к-акое отделение. Отделение Щ-ербаковского роты стоит. У м-еня один только Г-орденко всех вас за пояс заткнет! - Подмигнув Алеше, он продолжал: - Тем более, что Горденко к-ое-что н-адо зарабатывать! Щербаковский похлопал себя по карману.

Алеша в спор не вмешивался, угрюмо размышляя над угрозой политрука: неужели его оставят в резерве?.. То политрук не пускает в бой, то Щербаковский отстраняет от дела и назначает связным, когда все матросы рискуют жизнью и захватывают остров. Алеша уже не мальчик, не беглец с катера, из милости оставленный при роте. Он полноправный матрос Советского Военно-Морского Флота!

Связной принес приказ Гранина выступать. Рота построилась повзводно. Вышел Фетисов - в сапогах, в армейских брюках, в ватнике, перепоясанном широким ремнем, в черной флотской фуражке с позеленевшей золотой эмблемой. Он распределил бойцов на три группы.

- Со мной пойдут разведчики и третий взвод. Второй взвод позже, с политруком. Остальные остаются в резерве.

Щербаковский, обиженный, что остается в резерве, не без вызова воскликнул:

- Шары! Щ-ербаковский остается для ос-обого задания. Сынку! За мной! - и важно удалился в капонир роты.

Алеша нехотя побрел за Щербаковским. Но его остановил политрук:

- Горденко! Пойдете со мной. Связным!

Светало медленно. Солнце едва пробивало хмурое небо, и в это утро над морем тянулся мрачный туман. Катер Фетисова шел перегруженный. Под навесом гранита он сливался с морем, зловеще-свинцовым, почти черным, и только шинели матросов, плотно стоящих в корме, были темнее волн. Над кормой торчали штыки, когда катер кренило на борт, казалось, сталь вот-вот вонзится в берег. На носу, на самом ветру стояли бушлат к бушлату разведчики Богданыча, вооруженные автоматами.

Фетисов высадился в бухте Борщовой, у лощины, куда ночью доставляли с Хорсена борщ в термосе. От берега до берега цепью легли моряки, заняв лощину перед скалой. Фетисов выбрал для КП место опасное, зато обзор круговой: с его вершины видны и лощина с разведчиками Богданыча, и море. Во весь рост не встанешь - с сосен за лощиной стрекотали "кукушки". Но лежать и даже сидеть согнувшись можно. Рядом с Фетисовым лег санитар, бледный, вида хилого, ему твердили: "Себя полечи, Парамошков, потом за других берись". Он был вынослив и долг свой исполнял без жалоб. А долг он видел в том, чтобы прежде всего остерегать, беречь людей. Сейчас он пробовал укрыть командира - ковырял ножом землю, выковыривал камни, складывал их в брустверчик.

- Барказ идет!-углядел на море наблюдатель.

Проступили серые контуры Хорсенского архипелага. Низко плыли облака. На черной гряде волн мелькал барказ. Когда шторм поднимал его и четырнадцать гребцов взмахивали длинными веслами, казалось, гигантская птица бьет крылами, норовя зацепить небо.

Загребным, наверно, Бархатов. Фетисов представил себе приземистую фигуру своего любимца - в черном бушлате, в чистой, без единого пятнышка, бескозырке, чуть сдвинутой на высокий лоб, вспомнил его зеленоватые глаза, цепкие, насмешливые, резкий голос, то язвительно остужающий Щербаковского: "Брось якать, Иван Петрович!", то беспощадный к малодушию иного матроса: "Тебе страшно, а мне нет? У тебя мама, а меня кошка родила?!" Подумав о Бархатове, Фетисов словно приблизил к себе швыряемый волнами барказ, заглянул каждому в лицо: и юному Алеше - вечно ждет он боя, и грузному политруку - уж он-то сидит на руле...

Заметили, подлюги, барказ! Дым, огонь, фонтаны взметнулись вокруг него, всё - и разрывы, и шторм - сомкнулось против ничтожно малой, беспомощной скорлупки. Тверд, ловок, знает маневр рулевой. Из пучины, из ада кромешного барказ выскакивал невредимый, и четырнадцать гребцов все так же слитно и размеренно взмахивали длинными веслами, едва не задевая облака.

Что же они не сворачивают к бухте? Не разбились бы о скалы! Когда барказ повернул наконец вправо, Фетисов улыбнулся с облегчением. И тут же кто-то тронул его плечо - над ним стоял Макатахин, посланный из лощины Богданычем.

- Товарищ лейтенант! В бухте засада. На деревьях автоматчики!

- Ложись! - Санитар дернул Макатахина за бушлат, и вовремя: перед разведчиком веером шлепались пули.

А барказ шел вправо, Фетисов сложил рупором ладони, крича:

- Засада-а-а! Кричи, Парамошков, кричите: "Засада-а-а!"

Но разве перекричишь шторм. Барказ поднажал. Фетисов вскочил, санитар схватил его за руку.

- Нельзя, товарищ командир!

- Не мешай! - Фетисов сорвал фуражку, выхватил из кармана платок, выпрямился и часто замахал фуражкой над головой.

Он призывал барказ к вниманию: читайте семафор.

Алеша на носу барказа вычерпывал чьей-то каской воду. Он увидел сигнал над обрывом и машинально взмахнул перед собой руками: знак ответа. Что-то случилось, если человек так смело, так безрассудно встал на виду у врага под огнем и пишет семафорной азбукой сигнал. Вскочили и другие. Политрук скомандовал:

- Всем сесть. Легче грести. Горденко, читай семафор.

Барказу останавливаться нельзя - станет мишенью. Гребцы, сидя спиной к вершине, тихо гребли и ждали.

Правая - косо вверх. Левая - косо вниз.

- "Л", - читал Алеша.

И все вслух повторяли: "Л".

Правая косо вверх. Левая по шву.

- "Е"... Ле...

Правая - прямо наотмашь. Левая - по шву.

- "В"... Лев...

Правая с трудом поднялась до уровня плеча. А левая... Левая прижалась было по шву, будто человек повторял букву "В". Но вот левая выронила фуражку и, подхватив правую руку за локоть, косо подняла ее до уровня - "Е".

- Леве... - повторил Алеша вслух.

И одновременно политрук, поняв, что в бухте опасность и надо идти левее, скомандовал гребцам:

- Правое - на воду, левое - табань!

Барказ резко повернул влево. Алеша устоял на ногах, не отрывая глаз от фигуры на скале. Платок, зажатый в правой руке, еще долю секунды белел на ветру, и человек упал.

Барказ пристал к полуобгорелой сосне, взрывом или ураганом опрокинутой к подножию скалы кривыми корнями вверх. Макушка была в воде, матросы ухватились за колючие лапы и подтянули под них барказ, как в укрытую гавань. По черному, обугленному стволу, как по корабельному трапу, они поднялись до кривых, забитых землей и камнями корней и, раскачиваясь, как на турнике, один за другим прыгали на берег.

Алеша подбежал к обрыву, где валялась черная морская фуражка с позеленевшей эмблемой. Зажав рукой платок, лежал лейтенант Фетисов. Невозможно было поверить, что лейтенант не чувствует дрожи Алешиных рук, не видит, как Алеша кладет ему на ватник фуражку, не слышит рева бури и грохота войны, что уже не скажет с улыбкой, собираясь в десант: "Это нам по плечу..." Алеша, широко раскрыв глаза, смотрел на затихшее спокойное лицо, и ему казалось, что лейтенант и теперь светится своей обычной доброй улыбкой, улыбается товарищам, ради которых пожертвовал жизнью.

Фетисова отнесли на барказ, и его место на скале занял политрук. Рядом лежал санитар. Глотая слезы, он яростно долбил каменистую землю ножом.

"Остров надо удержать!" - мысленно твердил политрук, ему, как и всем на Эльмхольме, было невтерпеж лежать на месте, скорее бы столкнуть врага в залив. Но Гранин настрого запретил наступать. Политрук помнил его наказ: "Держи плацдарм!" Громкое слово: "плацдарм". Не плацдарм, а пятачок, всего тридцать метров на двести пятьдесят. Но надо держать, зубами держать каждый метр.

После полудня из лощины от Богданыча прибежал Макатахин. Он доложил: в лесочке перед лощиной накапливаются солдаты. Их там так много, что сосны колышутся, как от сильного ветра. Богданыч прислал сказать, что для артиллерии лесочек - верная цель: куда ни положи снаряд - накроет.

Надо дать знать штабу отряда. Но связи с Хорсеном нет. Была бы связь, политрук вызвал бы по лесочку огонь. Надо бы держать противника на месте, прижать, не дать подняться в контратаку. Но как передать это Гранину? Послать связного. На чем?..

- Горденко ко мне, - тихо приказал политрук.

- Я здесь, - откликнулся он.

- Плавать умеешь?

- Да. Сдавал на разряд.

- Ныряешь?

- Как рыба.

Политрук поморщился: "Хвастлив?" Но вспомнил, как он рвался в десант.

- Волна крутая, учти. Надо плыть до Хорсена. Лучше через Старкерн. Видишь, как бьют по заливу?.. Макатахин, отправляйтесь вниз, передайте Богданычу, чтобы прикрыл пловца. Бейте по "кукушкам". А ты, Алеша, помни: до Гранина ты должен добраться живым. Живым, понял?!

Алеша уже раздевался.

- Сними тельняшку - лишняя нагрузка в воде.

Он сложил на скале одежду и сверху положил бескозырку с отцовской ленточкой. Из бушлата достал комсомольский билет, отдал политруку и пополз вниз. Политрук окликнул его хрипло:

- Иди сюда. - Он притянул Алешу к себе, расцеловал крепко, махнул рукой: "Совсем еще юнец".

Алеша спустился к обгорелой сосне. Волна за волной обдавала ее черный ствол. Сосна стала скользкая. Алеша постоял на ней, переждал, пока опала волна, прикинул высоту и, вытянув руки, прыгнул в море. Вынырнув, оглянулся сверху за ним следили санитар и политрук. С такой вышки ему еще не случалось прыгать. Он осмотрелся, взял направление и поплыл.

Плыл трудно. Порой казалось, что море держит его на месте. Море вертело, крутило его, он зарывался с головой, глотал горечи до тошноты, отплевывался, все сильнее загребал длинными, крепкими руками, норовил оглянуться, далеко ли отплыл, но скалу уже не видел. Не за что было зацепиться взглядом ни позади, ни впереди. Всюду только вода, горы ревущей воды и водяные пропасти, обвалы.

Когда шторм вынес Алешу на вершину вала, он увидел вокруг себя пляшущие фонтанчики, множество фонтанчиков, вскипающих от пуль; а впереди макушки сосен, знакомых сосен Хорсена. И он подумал с мальчишеским азартом: "Лег на курс!"

Становилось не по себе, когда пули вблизи неслышно взбивали воду. Казалось, не разные, а все те же пули скачут следом. За ним охотятся. Стало страшно от мысли, что его могут убить. Живым, живым надо добраться. Алеша набрал воздуху, нырнул, поплыл, отсчитывая секунды; плыл, пока хватило дыхания, вынырнул далеко впереди фонтанчиков, пляшущих на волне, и закричал, хотя никто не слышал его озорного крика:

- Эге-гей! Догоняй!..

Лежа в лощине, Богданыч не видел Алешу, но заметил, что "кукушки" перенесли огонь на море. Переползая от матроса к матросу, Богданыч шептал: "По деревьям, по деревьям бей! Не давай им стрелять в Горденко!.."

А сверху, с обрыва, за Алешей следил политрук. Возле него рос брустверчик из камней, санитар долбил и долбил камень, только и слыша стрельбу; сколько сил, сколько металла против одного мальчонки; вот и пушки врага ударили с дальних островов. Разрывы мешали следить за пловцом.

- Дайте бинокль! - нервничал политрук. Он взял бинокль, увидел: Алеша у Старкерна!

- Вот чертенок! - обрадовался санитар.

- Не чертенок, орленок он, товарищ Парамошков! - сказал политрук. Орленок Балтики! - И вдруг закричал: - Сбили! Убит!

Не у Старкерна, у безымянного бугра перед ним увидел политрук Алешу, когда тот выплыл у этой скалы, где лежал когда-то Камолов. Там глубоко, не встанешь. А уцепиться не за что - рука скользила по гладкому, ослизлому граниту. Из последних сил он отплыл в сторону, отыскал трещину в граните, подтянулся на руках, выкарабкался на бугор, тут силы его покинули, и он упал. Но заставил себя вскочить и добежать до отмели. Четыреста метров пройдено вплавь. Пули сюда не долетали, Алеша почувствовал себя в безопасности.

На берег Хорсена он вылез в ознобе, пошел по тропинке мимо лазарета раненые молчаливо смотрели вслед полуголому Алеше.

Синий от холода, в одних трусах, с израненными на острых камнях босыми ногами он предстал перед Граниным. Гранин вытащил из-под койки сундучок, достал брюки, тельняшку, ботинки, большие, но других изодранным ногам и не надо.

- Надевай. - Гранин налил из фляги в стаканчик спирту. - Глотни для здоровья.

Алеша впервые в жизни выпил спирту, согрелся. Он доложил, что политрук просит огня артиллерии за лощину, жмет оттуда враг, ночью может атаковать. И добавил:

- Матросы спрашивают еще: нельзя ли нам самим ударить?

- А тебя кто посылал - матросы или политрук?

- Виноват, товарищ капитан. Политрук товарищ Гончаров.

- Тогда не задавай лишних вопросов. На карте можешь показать?

- Могу.

- Где погиб Фетисов?

- Вот здесь. В бухту заходить нельзя. Он нас предупредил семафором. Вот тут обгоревшая сосна. Тут можно высаживаться.

- Пивоваров, связь надо скорее тянуть. Командируй телефониста похрабрее. Чтобы обязательно дотянул.

- Разрешите возвращаться, товарищ капитан?

- Никуда тебя больше не пущу. Марш в роту. Спать.

В гранинской одежде, без бушлата, Алеша вышел из Кротовой норы. Кружилась голова. Он добрел до пещеры и лег.

Спал он беспокойно, всхлипывал, зовя Фетисова, просыпался и снова забывался в тревоге. Поднялся, когда в амбразуру уже не падал свет. Кто-то копошился во тьме.

- Это кто? Отделенный? - Алеша разглядел Щербаковского, тот набивал патронами диск для автомата.

- Б-архатов теперь твой от-деленныЙ. Ив-ан Петрович Щербаковский в д-евятнадцать ноль-ноль назначен к-омандиром особого взвода!

- Вы куда, товарищ командир взвода? - обеспокоился Алеша.

- Ос-собое задание! - с гордостью произнес Щербаковский. - Не зря капитан держал нас в резерве. П-ойдем туда с тыла.

Алеша, полуодетый, в широких гранинских штанах, в ботинках с его большой ноги, выскочил и побежал в Кротовую нору.

Гранин не разрешил идти вторично в десант. Но на Эльмхольме его комсомольский билет, автомат, форма, он должен туда пойти. Алеша решился нарушить запрет Гранина и вскочил в первую же шлюпку, назначенную везти на остров матросам мешок с сухарями.

Внезапно всем приказали перейти из шлюпки в катерок, только что доставивший раненых с Эльмхольма. Алеша подхватил мешок с сухарями и "зайцем" вбежал за штурмовой группой на катерок. Он не знал, что все там изменилось: был бой, ранили политрука, командиром стал Бархатов, Бархатов отправил политрука на Хорсен, по восстановленной связи докладывал Гранину: "Держимся!", а Гранин торопил отправку штурмовых групп; но "заяц" не боец, тем более без оружия, а только с мешком сухарей, который он не выпускал из рук, как пропуск - "заяц" не знает военной обстановки, у него на уме одно; только бы не ссадили. Не знал Алеша, что на другой стороне Хорсена, близ пристани, под дождем, лежит на камнях и политрук роты, среди раненых, отправляемых на Ханко.

Санитары переносили раненых на "Кормилец", Политрук безучастно ждал своей очереди. Ноги перебинтованы. Кровь проступала сквозь бинты. К нему подошел комиссар отряда, нагнулся, спросил: "Узнаешь?" Политрук зашевелил губами, комиссар нагнулся ближе.

- Возьми в левом кармане... - прошептал политрук.

Комиссар достал из кармана сырого - от дождя или от крови - кителя книжечку, зажег фонарик и прочел: "Горденко Алексей Константинович. Год рождения - 1923. Время вступления в ВЛКСМ - ноябрь 1940 года. Политотдел ВМБ Ханко".

- Отдай орленку, - сказал политрук. - Скажи: когда будет вступать в партию, дам рекомендацию. Из госпиталя пришлю...

В условленный час орудия Ханко открыли огонь по лесочку над лощиной и по островам противника. Позади Эльмхольма, в проливе, появился катер "МО" с группой Щербаковского. Щербаковский, как всегда, вначале крадучись, а потом с гиком и свистом, высадил свой взвод врагу в тыл. Его поддержали огнем с Фуруэна. А в лоб, к черной обгорелой сосне, катерок мчал штурмовую группу, в ней и Алеша. Днем, когда Алеша плыл к Хорсену, он не сразу разобрался, где плывет, откуда по нему бьют и какое место самое опасное. А сейчас, ночью, все понимал, как на карте у Гранина. Этим путем шел на рассвете Фетисов. Этим путем вел барказ Гончаров. Путь катерку освещали частые разрывы. Ракета за ракетой разливали синеватый свет. Там, где заградительный огонь мог быть плотнее, Алеша дал знак матросам лечь на палубу. Он отстранил рулевого, сам лег и лежа держал руль, направляя катер к обгорелой сосне. Над катером повисла ракета, казалось, он идет без людей.

- Смотри, Бархатов, как подводная лодка! - воскликнул санитар на скале.

- Вслепую ведет, добрый морячок, - сказал Бархатов. - Передай всем, кто живой: как высадятся, идем в атаку.

Атака через лощину началась через несколько минут.

Алеша подхватил мешок с сухарями и высыпал их прямо возле бруствера, сооруженного все же упорным санитаром. Но никто сейчас сухарями не интересовался, хотя все были голодны. Одежду Алеша нашел на месте, поднял автомат, бескозырку. Собрался сменить широкие гранинские брюки, надеть бушлат. Но не успел.

- Вперед, Балтика! - поднимаясь во весь рост, звал Бархатов.

И Алеша побежал за ним как был - в одной гранинской тельняшке без бушлата, в бескозырке с надписью: "Сильный" - он успел сбить ее на лоб, чтобы не слетела на бегу.

Стремительная атака с трех сторон решила дело. Остров отбили, и на смену усталым бойцам с Хорсена пришел новый гарнизон.

К двум часам ночи резервная рота вернулась на Хорсен. В полутемной пещере на дощатых нарах отдыхали матросы. После пережитого, после камней Эльмхольма, раем казался Хорсен. Как спокойно! Хочешь - лежи, хочешь - стой, можно громко

разговаривать, можно петь, можно поспать вволю. Но не спалось.

Алеша думал о Кате. Ее карточка еще у Щербаковского. Держит, мучает или ждет удобного случая отдать?

- Резервная рота на отдыхе! - доложил у входа дневальный, но комиссар отряда, входя в тамбур, дал дневальному знак: "Отставить!" Никто не заметил, как вошел комиссар.

- С таким командиром, как Гранин, - услышал он мечтательный голос, - я бы всю жизнь хотел служить. Мы ему как родные дети!

- Дети к-апитана Гранина! - поддержал Алешу Щербаковский.

Алеша робко поправил:

- Дети капитана Гранта, Иван Петрович.

- С-осунок! Ив-вану Петровичу возражаешь? И-ван П-етрович знает, что говорит: не Гранта, а Г-ранина, Б-ориса Митрофановича. Может быть, к-то недоволен?

- Отдыхать, товарищи, отдыхать? - решительно прервал спорщиков комиссар.

- Смирно! - гаркнул Щербаковский, вскакивая с койки.

- Вольно. Лежите, набирайтесь сил.

- Какая-нибудь операция намечается? - насторожился Алеша.

- А вам, Горденко, - круто повернулся к нему комиссар, - кто разрешил вторично идти на Эльмхольм?

Алеша виновато молчал.

- В следующий раз капитан Гранин накажет вас за самовольство. Чтобы партизанщины больше не было. Поняли, товарищ Горденко?

- Понял, товарищ комиссар.

- Вот Гончаров просил вернуть вам, - сказал комиссар отряда и протянул Алеше комсомольский билет. - Обещал рекомендовать в партию. Разумеется, когда подтянете дисциплину...

Комиссар вышел, ему вдогонку донесся голос:

- Х-отел вручить тебе награду. А ты ф-итиль заработал...

К причалу Хорсена "Кормилец" доставил пополнение. Прибыл и Сергей Думичев, комсорг саперов, известный на перешейке как знаток переднего края, строитель дзотов и ловкий разведчик: он так перетасовывал хитрые ловушки у финнов, что те потом неделю разбирали, где свое минное поле, где чужое.

Думичев выглядел франтом, хотя на переходе его порядком потрепало. Командир саперов приучил своего питомца бриться и чиститься в любых условиях. В солдатской форме он выделялся среди матросов. Форма на нем сидела образцово: видно, Думичев гордился ею и не собирался менять на флотскую, хотя шел в распоряжение Гранина с удовольствием и мечтал поскорее увидеть прославленного командира.

Помня, что Гранин носит бороду, Думичев остановил первого же бородатого человека, лица его в сумерках не разглядел:

- Разрешите обратиться: вы будете товарищ капитан Гранин?

- Пехота! - возмутился спрошенный. - Гранина не знаешь!..

Думичев, сконфуженный ошибкой, шел дальше. На каждом шагу он встречал бородатых матросов; они - ноль внимания на солдата, на знаменитого в городке баяниста, на его щегольской вид. Увидев на камне возле входа в командный пункт моряка в тельняшке, напевающего под собственный аккомпанемент "Сама садик я садила", Думичев подошел к нему и, чтобы снова не попасть впросак, хлопнул по плечу:

- Браток, как мне тут до Гранина добраться?

Гранин, как дошел до верхнего ми, дал такого петуха, что начштаба и комиссар, стоящие в стороне, с удивлением оглянулись. Гранин кивнул на Пивоварова:

- Вон, спроси у капитана.

Думичев повернулся, увидел ладного, подтянутого капитана с золотыми нашивками на синем кителе, вид у капитана под стать тому образу, который за эти месяцы выносил в своем сердце Серега Думичев. Значит, Гранин сбрил бороду.

- Разрешите обратиться, товарищ капитан? - браво произнес Думичев.

- Обращайтесь.

- Прибыл до капитана Гранина в десантный отряд. Сапер Думичев из роты лейтенанта Репнина.

- До капитана Гранина, значит? - смаковал Пивоваров. - Хорошо. Капитан Гранин любит подтянутых и лихих бойцов. - Пивоваров помедлил, оглядывая сапера с ног до головы. - Только капитан Гранин очень занят. Не знаю, сможет ли он оторваться от дел и принять вас. Обождите здесь, сейчас доложу. - И не глядя на Гранина, скрылся вместе с комиссаром в Кротовой норе.

Думичев обомлел: опять не тот! Он снова подошел к гармонисту:

- Так это был не Гранин?

- Какой ты прыткий. Этак - раз-два! - и до самого Гранина хочешь добраться. А вдруг Гранин не станет с тобой разговаривать?

- Станет. Мне командир приказал передать Гранину личный поклон. А знаешь моего командира: он хоть званием и ниже Гранина, но знаменит на весь Гангут. Слыхал про лейтенанта Репнина?

- Окопчики, что ли?

- Окопчики! - фыркнул Думичев. - Кабы не эти окопчики, тебе бы тут не разгуливать и не распевать...

Гранин метнул сердитый взгляд на часового: тот пытался подать Думичеву знак. Часовой тут же отошел.

- Ох, боюсь, не возьмет тебя Гранин к себе в отряд, - в сердцах произнес Гранин.

- Почему не возьмет, раз я командированный?

- Мало что командированный. Он у нас такой: он сначала храбрость и силу у всех проверяет.

- А Гранин сам силен?

- Так себе... - К Гранину вернулось веселое настроение. - Такой, как ты, невзрачный...

- Ты, брат, полегче, - обиделся Думичев. - Сам-то ты не такой уж видный, а про командира смеешь так неуважительно говорить. - И, не зная, чем бы уязвить гармониста, добавил: - У тебя вон и баян на басах фальшивит.

- Да ну?

- Вот тебе и да ну! Я еще не совсем оглох на фронте: тыщу баянов за свою жизнь настроил, а такого фальшивого не слыхал,

- Так ты не сапер? Ты настройщик?

- Мало ли кто кем был до службы. Вот ты, например, кем был?

- Я? Гм... печником...

- Оно и видно. А наш лейтенант Репнин был ученый, историк.

- Был? Значит, теперь он не ученый? - рассмеялся Гранин.

- Много ты на себя берешь! Если хочешь знать, он такой культурный командир, что вот никогда не позволит возле командного пункта рассиживаться да на фальшивом баяне играть.

- Тогда и я, пожалуй, не буду. - Гранин поднялся. - А то выйдет сам Гранин и отправит меня под арест. Он у нас злющий...

В Кротовой норе Гранина поджидали начштаба с комиссаром.

- Ну и умора! - хохотал Гранин. - Много, говорит, на себя берешь! Скажи на милость, много на себя беру, а? Ох и народ, эти саперы!.. Ну что вы уставились, что? Закусить и то не оставили, все смололи, черти... - Гранин присел за стол, выгреб остатки рыбных консервов из банки, взглянул исподлобья на Пивоварова и сказал: - Федор, пойди скажи ему, что капитан Гранин приказал сейчас отдыхать, ночью рубить дзоты, а утром пусть настроит мой баян. На, вынеси ему, Федя, баян, пусть возьмет с собой... А ты, Томилов, что молчишь?

- Думаю, - сказал комиссар. - Обдумываю. Самого Гранина не признают. Знаменитого капитана Гранина хлопают по плечу и принимают за рядового. Не пришло ли время подтянуться и нам? Не подучиться ли у саперов и укреплять острова, добытые кровью, и воинской дисциплине?..

На другой день командиров созвали на разбор

эльмхольмского боя. Пригласили и Щербаковского, уже мичмана, командира резервной роты, временно, пока не пришлют на место Фетисова другого. Он шел в штаб, сдвинув вязаную шапочку набекрень и всем своим видом показывая: хотя Иван Петрович и первый теперь в роте, но каким он был, такой и остался - разудалый геройский моряк.

В штабной каютке он увидел карты, схемы, развешанные по стенам, Пивоваров словно его не замечал, а Гранин - Щербаковский перехватил его хмурый взгляд и вышел. Вязаная шапочка была тут же убрана в карман. Невесть откуда появилась мичманка. Брюки из сапог он выпустил наружу. Послюнявил пальцы и что есть силы проутюжил морскую складочку. Снова войдя на порог штаба, он чин чином попросил разрешения присутствовать.

Командиры переглянулись. А Гранин повеселел: не подвел его мичман!..

А еще через день было открытое партийное собрание. Коротки собрания на войне: и некогда, и опасно. Между двумя скалами Хорсена уселись кто где. Вел собрание Богданыч, после Эльмхольма - признанный политрук. Главное в повестке дня - выстоять. Как выстоять на взятых десантами островках. Но, как положено, сначала прием в партию. Заявлений два - Щербаковского и Горденко. Алешу в тот день ранило в ногу, его отправили на Ханко. Колебались, разбирать заглазно или не разбирать?

- Разрешите сказать, - бледный от волнения, поднялся Щербаковский. - При м-не орленка ранило. Утром ходили мы на шлюпке мины с-тавить. На обратном п-ути и ранило. П-ровожал его, п-лачет: а как же, говорит, с-обрание?! Никогда он не плакал, д-аже когда к-арточку я отобрал... Ты не ст-рой р-ожу, Б-архатов!- Щербаковскому показалось, что Бархатов гримасничает. - Я ему ф-отографию в бушлат вложил, х-оть он и не видел. С-амому отважному...

Богданыч чуял, когда надо остановить Щербаковского, чтобы не наговорил лишнего. Он строго спросил;

- У тебя все, Иван Петрович?

- П-ускай все, - махнул рукой Щербаковский и плюхнулся рядом с Бархатовым на опрокинутую ржавым килем вверх шлюпку.

Решили разбирать. Приняли Горденко.

Дошел черед Щербаковского. Он притих, с опаской поглядывая на Бархатова: что же скажет этот строго принципиальный товарищ? Говорили разное - хвалили, критиковали. Но Бархатов, именно Бархатов дал ему такую

характеристику, что Щербаковский слушал, широко раскрыв глаза: неужто Бархатов его так одобряет? Когда Бархатов сказал ему, что ухарство хорошо в десанте, когда идешь в тыл противника, напролом, а теперь надо, мол, собрать себя в кулак и с некоторыми привычками распрощаться, он выслушал это не с обидой, а с болью и стыдом.

Богданыч, может, он хотел подбодрить Ивана Петровича, сказал, что без него рота не рота. Щербаковский умеет развеселить людей, когда, кажется, совсем не до веселья. Но, видя с каким удовольствием Щербаковский задрал свою бороду, Богданыч высказал то, что и было главным в эти дни для всех:

- Прет фашист вперед. Нам трудно. На Ханко под бомбами и снарядами не легче. А всей стране еще труднее. Главная задача - выстоять. А выстоять труднее, чем в атаку идти. Вы знаете - нам легче было остров штурмовать, чем сутки лежать на скале. Надо вгрызаться в гранит, как Парамошков, но выстоять! Член ВКП(б) не чин, - обязанность. Обязанность жить, как Фетисов жил.

Приняли и Щербаковского кандидатом в члены ВКП(б).

Алеша лежал в госпитале третью неделю. Перед ранением в отряде прошел слух, будто Гранин отбирает смельчаков для рейда в тыл врага. И вдруг этот проклятый осколок. Его проводил Иван Петрович, и Алеша только запомнил, что оба они плакали. На "Кормильце" вся команда побывала возле него. Шустров гладил его голову, а он - как во сне. То ли было, то ли нет. В санитарную машину, говорят, нес его сам капитан буксира. Алеша только помнил, что Кати там не было. Все спуталось, смешалось: Иван Петрович, Шустров, Гранин. Ему казалось, будто он всех слышит и к нему уже не раз приходил отец. Приходил как прежде, дома-в мичманке, в синем кителе с начищенными пуговицами, с двумя шевронами сверхсрочника на рукаве. Веселый, чисто выбритый, дурашливо докладывал матери: "Мичман Горденко прибыл в ваше распоряжение", целовал ее и принимался за Алешу: "Что у вас за вид, юнга Горденко? Форму одежды за вас будут соблюдать Минин и Пожарский? Штаны задраены на одну пуговицу. На корме пробоина. По заборам лазил, вижу. На полубаке сопли! А ну, мигом произвести большую приборку!" И утирал Алеше огромным платком нос, потом на все пуговицы "задраивал" штаны и требовал, чтобы мать "завела пластырь на пробоину" в штанах, разодранных в уличном бою...

При каждом врачебном обходе он просил о выписке. А его не отпускали. Надо еще сесть в постели. Надо встать. Надо с костылем научиться ходить. Он костыль отбросил и выпросил можжевеловую палку, толстую, у нее сук, как ручка.

Алеша упросил врачей отпустить его на неделю в дом отдыха, устроенный Граниным в лесочке Утиного мыса для выздоравливающих десантников - оттуда легче сбежать в часть.

В канцелярии подземного госпиталя писарь, возвращая ему по описи вещи и документы, дошел до фотокарточки, прочел на обороте надпись "Самому отважному" и осклабился:

- Ишь, сестренка наша, знала, кому дарить!..

Алеша, ничего не понимая, взял фотографию. Он рассматривал ее так, будто впервые видел. Как она сюда попала? Иван Петрович прислал, что ли?

- Может, чужая в реестр попала? - улыбался писарь.

- Моя, моя, - заверил Алеша. - Давай, где тут расписаться.

Хромая и опираясь на палку, Алеша шагал в город. Было пасмурно, накрапывал дождь. Ухали разрывы дальнобойных. Все побито, пожжено, всюду воронки; все живое под землей. До самого Дома флота напротив львов и серого обелиска, сваленного еще в начале войны, Алеша никого не встретил. Дом флота, щербатый от осколков, с улицы заколоченный, казалось, покинут, но окна замурованы кирпичами, раз укреплен - живет.

Алеша прошел двором в кинозал. Показывали "Мы из Кронштадта". Он притулился у стены, глядя на экран. "Ты кто?" - спрашивал белогвардейский полковник связанного матроса. "Альбатрос. Скиталец морей. В очках, а не видишь?.." Алеша уже знал, что сейчас прозвучит гордый ответ юнги беляку: "Красный балтийский моряк!.." Но едва юнга бросил эти слова, в зале раздался голос Бархатова:

- Как наш орленок!

"Наши здесь!" - обрадовался Алеша.

- Что же ты смотришь, Иван Петрович?! - крикнули в зале, когда беляк сбросил с обрыва последнего из матросов.

- П-усть живет до конца сеанса!

Согнувшись, Алеша побежал по проходу между рядами.

- Товарищ мичман, это я, Горденко...

- П-одлечился?

- В дом отдыха отпустили. На семь суток.

- Вот и жми в д-ом от-дыха.

- А вы куда? В рейд по тылам? Я с вами. Я здоров.

- Т-ы не якай и не п-артизань...

...В слабо освещенной сводчатой комнате старинного подземелья группа Щербаковского, специально вызванная с Хорсена, чтобы взять "языка" на восточном фланге Гангута, отдыхала, не расставаясь с оружием. Ждали сигнала посадки на катер. На одной из коек лежал Алеша. Он уткнулся в подушку, боясь, что его обнаружат. Щербаковский посмеивался: он уже

доложил командиру о бегстве Горденко от медиков, но Алеше ничего не сказал.

В сводчатую комнату заглянул капитан, в чьем ведении находились восточные острова. Он спросил с порога:

- А ну, войско, сознавайся - кто тут "зайцы"?

Никто не ответил. Капитан покачал головой и ушел.

- Ш-ары на стоп! - скомандовал Щербаковский. - Орленок, м-ожешь перевернуть фотографию.

Алеша поднял голову и сел. Щербаковский наслаждался:

- Иван П-етрович, если захочет, роту спрячет. Сам м-алайский г-убернатор остался в д-ураках перед Щербаковским.

Никто уже не спал. Гранинцы гордо посматривали на новичков, еще не знающих фантазий мичмана и ждавших подробностей его взаимоотношений с малайским губернатором. Алеша же был доволен. Госпитальная палка осталась на материке. Он зажал меж колен новенький автомат, чувствуя себя великолепно в родной семье "детей капитана Гранина".

Но "языка" в этот раз не взяли. Мичман, вызванный к самому Кабанову, оправдывался:

- Хлипкие они, товарищ г-енерал. Его т-ронешь, он с копыт долой!

Кабанов любил шутку, но тут не до шуток. Гангут в осаде. До блокированного Ленинграда сотни миль. Из Кронштадта по минным полям прорвался тральщик и доставил данные Ленфронта: Гитлер отводит с перешейка дивизию, ее сменяют части союзника фашистов маршала Маннергейма. Необходима проверка. Нужен "язык".

- Возьмете его за перешейком,-приказал Кабанов.-Живого. А свой кулак поберегите для другого раза...

О суровости генерала Иван Петрович умолчал. Сказал, что хорошо поговорили и даже распивали чаи.

Выпал и растаял первый снежок. По октябрьской слякоти матросы хмуро шли к перешейку. Землекопы в противотанковом рву бросили работу: моряки идут на передний край - будет дело.

Метрах в пятидесяти от землянки четвертой роты Щербаковский остановил свое войско и сказал речь:

- Чтобы все б-ыли на высоте п-оложения! Вести себя среди пехоты чинно, б-лагородно. К-ому положено - к-озырять. Д-аже начпроду. У тебя есть д-обавления, комиссар?

- Нет, товарищ мичман, - сказал Богданыч. - Поддерживаю.

В землянке ждали гостей. Кабанов предупредил штаб бригады, чтобы к разведчикам строго не относились. Когда Щербаковский, войдя в землянку, вежливо поздоровался, ему дружно ответили все, а командир роты показал его войску на

плюшевый диван: располагайтесь, мол.

- К-расиво живете. - Щербаковский с завистью щупал плюш.

- Как дома, - ответил командир роты.

Пришел и командир саперов Репнин. Щербаковский с удовольствием пожал протянутую лейтенантом руку и тут же спросил, зачем Думичева из отряда забрали, он теперь гранинец, его хотели переодеть в матросскую форму. Репнин вежливо сказал:

- Думичев мой верный сапер. Нашу форму он не сменит. Сегодня он будет вам помогать. Любопытно: думаете в поиск в бушлатах идти?

- А как же моряку идти в бой? - Щербаковский похлопал себя по груди щегольской бушлат сиял начищенными пуговицами.

- Перестреляют, - отрубил Репнин. - Передний край всю ночь освещен ракетами. Свет - как на Невском до войны. Весь перешеек два километра шириной, на двух километрах у них напиханы сотни солдат и десятки наблюдателей.

- Я уже приказал принести шинели, - вмешался командир роты.

Вечером приехал майор из полковой разведки. Скептически оглядел бородатого мичмана и стал инструктировать. Щербаковский дивился, как армейцы готовят поиск - солидно, спокойно. Большой у них опыт. Все хорошо: и прикрытие, и связь; даже батареи отсекут врага артогнем. Только "языков" у них почему-то нет... Майор предложил ему дойти с бойцами до окопа снайпера Сокура и там дожидаться возвращения разведчиков.

- А г-де я? - не понимая, мичман тыкал пальцем в карту.

- Вот здесь, за проволокой, - терпеливо объяснял майор,

- А они? - Щербаковский, бледнея, оглянулся на матросов.

- Через проход в минных полях и в проволоке они продвинутся вот сюда и тут перехватят дозор противника.

- Мичман Щербаковский всегда идет в-переди своих матросов!

Майор помнил приказ своего командира - не мешать инициативе моряков. Он снисходительно улыбнулся:

- Не совсем грамотно, но смело.

Путаясь в длинной шинели и чертыхаясь, Щербаковский шел за провожатым к переднему краю. За ним - Богданыч, Бархатов, Алеша и остальные матросы. На перешейке не осталось живого места. Не стронуты только огромные гранитные валуны, щербатые от частых ударов стали. Под одним из таких валунов находился секретный окоп- блиндажик снайпера, на удивление просторный, даже освещенный коптилочкой. На опушке леса провожатый спрыгнул в траншею, накрытую сверху бревнами и

землей и, освещая фонариком туннель, пошел согнувшись вперед. Моряки, ошеломленные такой роскошью, шли по туннелю не дыша. У входа в блиндажик провожатый остановился, жестом показал-всем вылезать наверх, погасил фонарик и осторожно открыл лаз. Матросы по одному выскакивали и залегали за камнями. Щербаковский следил за их исчезновением с тревогой.

- Здесь переждем до ночи, - сказал провожатый. Заметив нерешительность мичмана, он рассмеялся: - Не беспокойся. Без тебя матросы не уйдут. Идем. Пусть пока лежат и присматриваются к той стороне...

Через короткое время донесся хрип включенного репродуктора. Нерусский голос с акцентом заговорил: "Внимание! Передаем приказ маршала Финляндии барона Маннергейма гарнизону Ханко..."

- Сейчас самое время переходить фронт, - сказал снайпер.

Щербаковский молча согласился и вышел из блиндажика.

Матросы переползали просеку. Над перешейком повисли десятки осветительных ракет. Ночь тут беспокойнее, чем на островах; она расцвечена зеленым и белым мерцанием, прострочена красными трассами, а под конец вспыхнула желтым пламенем канонады.

- Тихо. К-то там ржет? Не дышать!

- Иван Петрович, вот сюда, - шептал кто-то.

- Что еще? И т-тут знакомые?

- Это я, Думичев, - неожиданно появился сапер. Он повел разведчиков через открытый им проход в проволоке противника.

- Оставайся здесь и стереги, - шепнул ему Щербаковский.

У траншей, где полагалось перехватить дозор, он шепнул:

- З-десь не дождешься до скончания века. А г-енерал приказал: умри, а "языка" взять... Алеша, живо бери мою шинель, дуй к лейтенанту. С-кажешь, мы п-ошли к д-доту, который помечен на карте. П-усть п-еренесут огонь батарей за д-от.

Алеше горе - опять связной. Он подхватил шинель и повернул к окопу снайпера, надеясь все же вернуться и догнать товарищей. А Щербаковский повел войско в направлении, куда н.аши батареи бросали осколочные снаряды.

Серые суконные бугорки обозначали путь войска по вражеской земле: по примеру мичмана то один, то другой боец сбрасывал солдатскую шинель. У дота залегли. Обождали, когда ближе подойдет часовой. Грузный, с одышкой. Постоит, прокашляется, опять пройдется.

На него навалились скопом. Куча тел, свалка, в рот - кляп за кляпом, да еще связали. И вдруг - истошный крик:

- К-то меня стукнул? Ты, Б-архатов?.. Ты, М-ошенников?

Кто-то в свалке стукнул мичмана, да так, что на лбу - шишка. Он забыл все: рядом дот, у ног связанный "язык", три индивидуальных пакета в глотке, надо тащить его к себе, пока дышит.

- Я тебя стукнул, - сказал Богданыч тихо. - И заткнись. Вернемся - дашь сдачи. А сейчас - скорей. Потащим его...

Из дота выскочил солдат, дал очередь и скрылся. Началась перестрелка. Всюду шум, ракеты. На разных участках были в поиске армейские группы. А из дота через амбразуру уже бил пулемет.

Алеша давно выполнил приказание мичмана и возвращался по вражеской земле от бугорка к бугорку - вдоль брошенных серых шинелей. "Как мальчик с пальчик домой", - подумал он и устыдился, Но вот последняя шинель. Куда дальше?.. По привычке, выработанной за месяцы, когда из мальчика он стал бойцом, Алеша ощупал автомат, гранаты за пазухой и пошел вперед, хотя не был уверен, что правильно идет. Плутая по чужой земле, он забрел за тот самый дот; при выкрике Щербаковского рванулся в сторону и чуть не столкнулся с солдатом, беглецом из дота. Ударом приклада Алеша сбил его, подскочил сбоку к стреляющей амбразуре и бросил в нее одну за другой две гранаты. Дот смолк, Алеша упал.

Он очнулся, когда Щербаковский и Богданыч несли его уже к блиндажику снайпера. Позади тащили связанного "языка".

У блиндажика их встретил майор из полковой разведки.

- Ну и молодцы! С шумом, но дело сделали. Спасибо, Иван Петрович, спасибо. А пленного - ко мне. Вынуть кляп. Развязать ему руки, ноги, он и так не сбежит.

Щербаковский обернулся на "языка" и яростно потребовал:

- Уберите этого М-аннергейма с глаз долой. Рук не развязывать, п-усть так идет... Д-октор у вас есть в п-ехоте?

- Что случилось?

- Орленка р-анили. - И поправился: - М-атроса Г-орденко.

- Живо к машине! - приказал майор. - Возле КП роты дежурит машина из военно-морского госпиталя...

Щербаковский и его товарищи донесли Алешу до командного пункта и передали санитарам. Санитары внесли Алешу в эвакомашину. В темном кузове суетилась молоденькая медсестра.

Щербаковский недоверчиво глянул на нее: "Куда такой девчонке справиться!" Все ему казалось неладным: и сестра молода, и машина - телега, тряская, скрипучая, и шофер - растяпа, без году неделя права заимел, угодит, чего доброго, в воронку...

- С-ам поведу. - Щербаковский отстранил шофера. - С-адись в

кузов. Я п-первого класса шофер.

- Да вы что, товарищ, в своем уме? - Из машины выскочила и подбежала к кабине медсестра. - Раненого надо срочно доставить в госпиталь.

- Ну, см-отри, шофер, - сдался Щербаковский. - Г-оловой отвечаешь. А ты, сестрица, б-береги орленка!

- Орленка? - Голос медсестры дрогнул. -Как его фамилия?

- Г-орденко Алексей. Самый храбрый разведчик из роты мичмана Щ-ербаковского, отряда капитана Гранина. П-онятно?

- Садитесь, товарищи, садитесь в машину, до госпиталя довезу, заволновалась Катя. - Вы в кабину, товарищ мичман. А я в кузове поеду. Я лучше в кузове...

В госпитале Щербаковский выложил дежурному врачу все заслуги раненого, настойчиво требуя гарантий: когда Горденко вернется в отряд? Врач на это не ответил, только сказал, что всех тяжело раненных приказано отправить в Кронштадт. Если успеют, отправят с теми тральщиками, которые пробились к Гангуту через минные поля. Только не надо шуметь и мешать...

- Вы мне про т-ральцы не объясняйте! - зашумел Иван Петрович. - Мне Г-орденко тут нужен, не п-озволю его с Г-ангута выпроваживать!..

Врач ушел, еще раз попросив не шуметь и не мешать.

Прибежала Катя, сказала, что рана тяжелая - Алешу взяли в операционную. Щербаковский и его товарищи вышли из подземелья, присели, закурили, ожидая исхода операции.

Снова прибежала заплаканная Катя. Щербаковский давно узнал ее. Матросы окружили Катю, она сказала:

- Доктор сказал, что жить будет. Операция прошла хорошо. Только плохо, что вторая рана подряд, - и расплакалась.

- Так жить б-удет? - сердито спросил Щербаковский.

- Сегодня отправят в Кронштадт, - сказала Катя. -И я с ним пойду. Эвакуируемых будут сопровождать...

- С-пасибо, девушка. - Щербаковский, желая ее утешить, добавил: - Он вашу к-арточку т-рижды заслужил...

Когда Катя привезла Алешу в порт, на причалах творилось что-то непонятное. С тральщиков сгружали раненых, кого на носилках, кого в обнимку; сползали по сходням инвалиды; по другим сходням шел встречный поток бойцов с винтовками, пулеметами, в новеньком, точно на парад выданном обмундировании. Катя искала знакомых, но все были заняты и чем-то обозлены.

Проникшись тревогой, она бросилась к причалам искать кого-либо из медицинского начальства. На причале стоял генерал Кабанов, обычно спокойный, а сейчас до того злой, что она не

решилась к нему подойти. Катя вернулась в машину, где спал в беспамятстве Алеша, и попросила шофера отъехать в сторонку, к побитым пакгаузам, она верила - снаряд второй раз туда не упадет. Шофер объяснил ей, что перед самым уходом кораблей всем пассажирам было приказано сойти на берег, что случилось - он не знает, но вместо раненых грузят воинскую часть.

Ночью Кабанов получил радиограмму комфлота: погрузить боеспособный батальон и тут же отправить конвой в Кронштадт. Кабанов решил: и батальон отправить, и самых тяжело раненных. Он приказал для этого вызвать к причалам из бухт Густавсверна пограничные катера.

Тральщики и катера ушли на восток. Финские снаряды неслись им вслед. Открыли огонь батареи Гангута, и финны замолчали.

В кают-компании "Двести тридцать девятого", на узком диванчике под портретом Ильича, в полутьме лежал Алеша. Рядом, на краешке дивана, сидела Катя - в белом халате поверх черной шинели, в синем берете, под который убрала стриженые волосы. Катер набирал ход, и волны гулко бились о борта, много раз латанные в последнем бою, в котором погиб командир. Бронекрышки иллюминаторов были по-боевому задраены, и Катя не видела уходящих назад берегов Гангута. Дверцы в коридорчик были раскрыты, там тоже стояли носилки. Кто-то открыл люк с палубы, сверху заструился свет пасмурного дня. Показались ноги в грубых ботинках; это спускался по трапику сигнальщик Саломатин.

- Белоус, - тихо позвал он, - командир приказал передать: отец провожает.

Катя вскочила, подбежала к трапику, выглянула в люк. В небе беззвучно парили два истребителя, и она не знала, на каком из них отец. А Саломатин нагнулся к Алеше, тот тихо спросил:

- Командир?.. Где командир?..

- Другой у нас командир, Алеша. - Саломатин отвернулся и побежал, он задраил за собой люк, и Катя села к Алеше.

- Отец обещал и проводил... - Катя посидела молча, слушая, не донесется ли сверху знакомый гул.

- Знаешь, Алеша, я только раз видела, как плачет отец, - тихо заговорила Катя.-Это в ту войну, когда он обгорел. Мы жили возле аэродрома. Я шла поздно из школы. Сани едут, лошадью правит моторист. Из-под полога торчат ноги в унтах. Я хотела вскочить в сани, а он замахнулся на меня хворостиной. Я не поняла. Меня никогда не обижали на аэродроме. Даже в самолет залезала. Добежала до дома, вижу - сани у санчасти, а моторист с винтовкой на нашем крыльце и никого не пускает.

- Чтобы мать не знала, - подсказал кто-то из раненых.

- Ну да. Мама ничего не знала. Она в окно смотрела на аэродром, ждала отца... Потом пришли за мамой. А меня, когда позвали, доктор, няни - все предупреждали: "Ты в руку целуй, в плечо". Я ничего не понимала. Я видела только бинты на подушке и слезы на его глазах... Когда я была маленькой, он не выносил слез. Ему хотелось, чтобы я была как мальчишка. Когда я родилась, мне игрушки приготовили - топорики, молоточки... Мама сердилась. Мама любит петь, танцевать. Когда я подросла, мама водила меня в балетный кружок. А отец приучал ходить в штанах. Помнишь, в школе фыркали, когда я приходила в штанах? Это все отец. Он учил меня стрелять из нагана, на мотоцикле ездить. Твердил, что время такое, это и девочке пригодится...

Завыл самолет, низко летящий над катером. Раненые заерзали, застонали. Катя успокаивала:

- Это наш, "ишачок"...

Кто-то насмешливо бросил:

- Наш-то наш, да лезь в блиндаж...

А Катя слушала шум мотора и радовалась: она знала, чей это мотор. Алеша слушал Катю и думал: может быть, на этом вот диванчике, на котором он лежит, сидел перед боем отец с лейтенантом Терещенко. Значит, и он погиб... Перед Алешей всплывали лица его боевых друзей. Василий Иванович, который взял его на "Кормилец". Иван Петрович, веселый и бесстрашный. Богданыч, малого водоизмещения, белесый герой Камолов, Фетисов, спасший матросов, политрук, который расцеловал Алешу на скале Эльмхольма, Борис Митрофанович, родной для всех, кто называл себя его детьми. Он думал о них, и у него прибывали силы...

Алеша протянул руку, но руку Кати не нашел: она ушла в каюту, где в ее помощи нуждался раненый. Алеша ждал ее.

А раненые между собой тихо говорили:

- Дети, а воюют...

В конце октября сорок первого года в Кронштадте, в подземелье у Западных ворот, где обосновался флагманский командный пункт Краснознаменного Балтийского флота, решалась судьба Гангута и гангутского гарнизона. Там, под землёй, на стене висела главная карта операционной зоны - от Ладожского озера до Гогланда и Лавенсаари. Гангут остался далеко за чертой, где уже не было других гарнизонов и баз; карты тех, покинутых районов лежали на столах, то были карты минных полей - наших и вражеских, карты фашистских коммуникаций, батарей, глубокого вражеского тыла, но в нем стоял Гангут, так и

не пропустив в залив к Ленинграду германскую эскадру с линкором "Тирпиц" во главе. И финский флот, скованный Гангутом, потерял на его минах броненосец, а от огня его батарей и самолетов - не один боевой корабль. Но как быть теперь, когда близок ледостав, зима и героическому гарнизону грозит полная изоляция, полное окружение? Свою стратегическую задачу он решил, а центр борьбы переместился в Ленинград. Тот батальон, доставленный тральщиками, нужен был Ораниенбауму в решающую для Ленинграда минуту.

Главная Ставка в Москве и Военный совет Балтфлота решили снять с Гангута гарнизон и перебросить его в зажатый блокадой Ленинград с вооружением и максимально возможным количеством продовольствия. Голодающему городу важен каждый грамм.

Эскадре приказано эшелонами прорываться через минные поля и вывозить войска по плану, не ослабляя обороны. Но как оторваться от противника, если тают войска?

В заслоне оставались самые стойкие. На островах - гранинцы, на сухопутье армейцы, пограничники и саперы. Саперы придумали часовые механизмы к пулеметам, чтобы с определенным интервалом каждый пулемет давал очередь, даже когда все уйдут.

Командующий эскадрой передал Кабанову приказ уйти с первым эшелоном. Кабанов сказал; уйду с Гангута последним. Так по морскому уставу уходит с корабля командир,

Первого декабря на Хорсене гранинцы заминировали Кротовую нору и каждую пядь на пути к причалу и перед посадкой на "Кормилец" установили на высотке щит: "Уходим непобежденными. Вернемся победителями. Дети капитана Гранина".

На полуострове они вошли в группу прикрытия под командой капитана Гранина.

Когда все были погружены на корабли последнего эшелона. Кабанов и его штаб перешли на Густавсверн. В тесном гроте за пологом держал вахту радист. Кабанов приказал:

- Кодируйте радиограмму. "Второе декабря. 18 часов. Кронштадт. Военному совету флота. Все погружены. База Ханко не существует. Вахту Гангута закрываю..." Все. Передали?..

Кронштадт подтвердил, что все понято. Два рослых матроса стояли наготове с тяжелыми кувалдами в руках.

- Кончайте! - приказал Кабанов и отошел в сторону.

Матросы замахнулись и с силой опустили кувалды на рацию. Хруст. Треск металла. Звон стекла. Кабанов отвернулся и вышел. Вахта Гангута закрыта. Она длилась сто шестьдесят четыре дня.

Тяжкие испытания ждали эскадру в штормовую ночь на третье декабря, Не все корабли дошли благополучно до Кронштадта. Мины, огонь тяжелых батарей с финского берега, льды, сквозь которые пробивал путь эскадре "Ермак", - все мешало в ту ночь. Эта эвакуация, прорыв стали мужественной и суровой страницей в трудной и героической истории Балтийского флота.

Концевым в караване шел "Кормилец". Трудяга Хорсенского архипелага снова топал последним, как полтора года назад, когда шли на нем на Ханко Богданыч, Вася Камолов и юнга Горденко.

Море нещадно трепало старый, искалеченный и много перенесший корпус. Волна поднимала буксир на скользкую, из жидкого льда, вершину. Он летел оттуда вниз, пропадал, пока новая волна не вытолкнет вверх отяжелевший кораблик. Стылой лавой вода текла в люки, горловины, в угольные бункера, намерзая бугристым льдом. Команда вычерпывала воду из машин, откачивала, но она замерзала прямо в помпах.

Впередсмотрящие стояли на носу. Ноги их примерзали к палубе, рукавицы к леерам.

В рубке, покрытой наледью, ночь и день стоял Шустров. Он не мог выйти из рубки - примерзли, обросли панцирем двери.

С каждой милей буксир грузнел и под своей тяжестью оседал в ледяном сале. Он и без того был нагружен до отказа - мукой и сахаром для голодающего Ленинграда. Шел все тише, отставал от больших и малых кораблей. Команда выбрасывала все лишнее: сундучки, чемоданы, ненужный и очень нужный инструмент, даже буксирные дуги обрубили с кормы и выкинули в море, и все рубили и крошили лед. Только один груз был неприкосновенен - продовольствие.

Настал час, когда "Кормилец" не смог двигаться, Шустров знаками подозвал матросов. Топорами они скололи лед с дверей и освободили капитана из рубки. Сахар и муку перегрузили на ледокол, буксир затопили, сойдя на остров Гогланд.

С берега команда следила за судном. Шустров держал в руках три вахтенных журнала, в каждом по сто листов хроники боевой службы - с 22 июня по 2 декабря. На Гангуте "ПХ-1" прозвали "Кормильцем". Кормильцем он остался до последнего часа - кормильцем Ленинграда.

Пехота Гангута встала на защиту Пулковских высот, а дети капитана Гранина на льду залива обороняли Ленинград и Кронштадт с моря.